

Владислав Ветров

Скрежет ручки в залитой вином комнате

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Владислав Ветров
Скрежет ручки в
залитой вином комнате

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43016920

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-98587-2

Аннотация

Незамысловатые будни молодого писателя могут обернуться совершенно неожиданным поворотом с приходом в его жизнь необычных сил, обречённых помогать ему, а быть может, и навредить. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Критика с пеной у рта (also called as я мог бы лучше)	4
Успешные парни не смотрят на скидки в магазинах	23
Цвета карнавала безумия	33
Харон внизу, время ожидания – 3 минуты	50
Запах ярмарки тщеславия-1	62
Запах ярмарки тщеславия-2	76
Что в юности посеешь, то в старости пошлѐшь	93
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Владислав Ветров

Скрежет ручки в залитой вином комнате

**Критика с пеной у рта (also
called as я мог бы лучше)**

Книга, да? Хорошо, скажу я тебе. Хорошо, что эта книга появляется сейчас, когда мне этого хотелось бы, ведь бывает всё и наоборот, уверяю. Приходится выдавливать из себя какие-то вещи вроде сюжета, который ещё нужно выдумать, а натура я тяжёлая, можно даже сказать, неподъёмная и ленивая до нескольких пар дырок в носках. Про дырки в жопе и отверстия мне стал бы залечивать какой-нибудь остряк вроде тупых голов на работе, где приходится существовать, так что, надеюсь, среди читающих нет таких, а если есть, то пошёл отсюда ко всем чертям собачьим, я не рад тебе, понял?!

Будем же знакомы, я – Сергей Сергеевич Сергеев, а мои родители не нуждаются в сборах денег для лечения слишком тяжёлой стадии распухшего воображения. Мне (только дай не смеяться, ладно?) двадцать четыре, и да, я писатель (я же просил, ну), правда пока что не профессиональный: то ли

яиц у меня ещё нет для того, чтобы себя так назвать в полной мере, то ли должного успеха. Хотя есть подозрение, что я лишён обеих из вышеназванных причин. Но успех ко мне должен был прийти уже давно, ещё с первой книгой, но что-то пошло не так, будто я заказал тот самый успех на Али-экспрессе – и идёт долго, и по качеству, скорее всего, будет так себе, состряпанный на скорую руку каким-нибудь вкалывающим за еду китайцем. Живу я в Подмоскovie, куда приехал из региона. Оно и понятно: когда правительству срать на всю страну, кроме двух субъектов, то приходится что-то делать, дабы не скатиться в обычную жизнь за гроши от пьянки до пьянки по пятницам (по правде говоря, у меня пьянка сейчас бывает почаще, а живу я на те же гроши, учитывая стоимость съёмного жилья в столице и в её окрестностях).

Родители сидят в родном городе, не собираясь ничего толком менять в своей жизни. Куда уж им: пенсия на носу, а там любимое всем русским занятие – «нихуя не делание», просмотр телевизора и поедание вкусностей (но немного, наших людей всё то же любимое многими правительством пенсией не балует, и не балует недолго – до ящика обычно остаётся пару лет), к которым и стремится среднестатистический житель нашей планеты. Одно только идёт не по их плану, а именно моё нежелание заводить свою семью и детей, так что внуки сразу идут строем в унитаз. Я иногда вздрачивал – да простит меня читатель за подробности, но иначе я не могу – чтобы семья не било по мозгам и не тянуло туда, куда не стоило

бы идти на «трезвую» голову и с пустыми, высохшими яйцами. Кто-то посмеётся надо мной, сказав, что я неудачник с хуем в руке (ещё язык бы на щеке, да хоть сегодня же помирай смертью рок-н-рольщика), а я же лучше буду продолжать душить удава, чем однажды обнаружу чью-то мочалку у себя дома, а затем и её владелицу, быть может, саму являющуюся мочалкой. К тому же сам процесс ебли не исключает и моего метода избавления от сексуального напряжения, ведь и она наскучит так или иначе. Об этом я могу судить, разглядывая жизни моих друзей, которые куда-то резко пропали из поля зрения как только у них появились так называемые спутники(-цы) жизни, с которыми можно вечерами тереться известными местами.

Я же по вечерам, после работы, любил писать, это было моё хобби, так сказать, но для этого требовалось слишком много – да, писателем быть непросто, как мне кажется, но это всё зависит от того, каким писателем ты хочешь быть. В любом случае, каждый раз приходилось наскребать немного денег, чтобы купить себе допинг, в частности вина: одной бутылки мне всегда достаточно, чтобы чувствовать себя уверенно за клавиатурой, чтобы стать Богом в этом мире, а затем решать судьбы персонажей – щадить или убивать их – а также судьбы людей, которые будут читать весь этот бред в интернете: вложу какой-нибудь смысл и, того и гляди, вдруг переверну чью-нибудь жизнь с ног на голову. Однако пьяная голова многого не решает, и весь бред вчерашнего алко-

лика приходилось дорабатывать трезвому мне, и это особенно тяжело. Чёрт его знает, что я подразумевал под теми или иными строками. Тем не менее, для создания чего-то хорошего нужно иметь ум, что совсем даже не про меня, поэтому приходится обходиться пустой писаниной на раздолбанном ноутбуке, который повидал падений больше, чем самый заядлый каскадёр, а выглядел и того хуже.

Мои книги не расходились большими тиражами, тем более что они были бесплатными. Я отсылал их как-то в издательства, но, кажется, там решили, что место таким «шедеврам» в помойке, так что они там и оставались, я имею в виду в интернете, где их изредка кто-то мало-мальски просматривал до первой зевоты или рвотного рефлекса. Что же, не удивительно, мне самому мои книги не очень нравились, но я не останавливался.

Я очень любил просматривать работы других людей, не заглядывая в них, дабы не испачкаться, а также их реакции на какую-либо критику. Плюс комментарии на сайтах – это своего рода соус, помогающий осознать, для чего пишет чувак на самом деле. Коммерческие писатели любят заполнять сеть своим нытьем вроде «я написал дерьмо, а мне мало платят за просмотры! вы что?». О Господи, это ли нынешние мыслители, будущие великие люди, оставляющие сейчас свой след в истории, словами разрезающие пространство и умы сотен поколений впереди? Сидящие и жалующиеся на форумах на то, что за их переписанное с чужих слов дети-

ще (в реальности же едва отличающееся от выкидыша) мало платят. «А ведь там же много полезного!» – кричат они, но на деле могу сказать, что там кусок говна. Учитесь, дурни, пока я жив: печатаю дерьмо бесплатно, берите на здоровье! Есть одна проблема: дерьмо никому не нужно, поэтому-то мы с вами на одной ступени, ребяташки.

Есть такие индивиды, что штампуют по несколько книг в год, и этому я крайне удивлен. Как можно так? Он не сидит, не оттачивает слог и – самое главное – мысль. Он просто бесперебойно строчит очередной бульон из вонючей жижи вроде любовных романов с сексом и бурными чувствами, интригами и опасностями, которых, если вдуматься, совсем и нет в этой чепухе. При таком графике работы времени на раздумья нет, нужно лишь менять профессии главных героев, позы в постели и, желательно, нижнее бельё, иначе когда так обсираешься, можно совсем запретить. И ведь самое интересное заключается в том, что читают же, и много читают. Этой макулатуры полным полно. А затем, видя секундный успех всей этой бессмысленной ерунды, появляются такие же хромые на слог и смысл писатели, переводящие дерево и бумагу впустую для подобных им пустых людей. Видя всю эту вакханалию и такое почкование бездарной писанины, находятся новые силы, поддерживающие круговорот пустословия, не вселяющего в головы читателей ничего настоящего необходимого им, чтобы сделать их лучше. Я уж не говорю додуматься до чего-то самому – это великий дар –

но не хватает умения, а зачастую даже и ума, повторить уже написанное в слегка видоизмененной форме. Повторить то, чего не знаешь и до чего сам не додумался – задача не из лёгких, вернее, нерешаемая. Обидно за деревья, как обидно за выброшенное на помойку мясо – животное убили ради того, чтобы туша его лежала в мусорном баке.

Могу по слогу отличить, есть у писателя способности или нет. Вот у меня их нет, и что же? Думаете, я перестану писать? Напротив, в этом ремесле слишком много таких же идиотов, как я, которым кажется, что время сделает своё дело, и однажды их труды выйдут в массы. Да и кто-то же живёт, в конце концов, работает авиадиспетчером, банкиром, депутатом, ментом или военным всю жизнь, при этом ничего не понимая в том, чем занимается, и ничего. Делает свою обезьянью работу, зарабатывает себе на пиво и скандалы с женой. Так почему я не мог хотя бы попробовать заработать на пиво своей писаниной? Потому что его на дух не переносу, возьму лучше вина.

Иногда я позволял себе посидеть где-то в баре в Москве, писать там некоторые строчки к себе в телефон, чтобы наполнить сюжеты хоть чем-то. Похоже, что я унаследовал воображение своих родителей, так что с наполнением произведений я частенько оставался в пролёте. То был как раз один из таких вечеров пятницы, где я сел за столик у окна, заказал две порции виски.

– Вам положить лёд? – спросила молодая девушка.

– Нет, благодарю, – ответил я.

– Принести вам его?

– Нет, не нужно, спасибо.

– Быть может, кола? – всё не унималась она. Выглядела она привлекательно, но не очень, чутка полновата даже.

– Нет.

– Вы будете пить чистое?! – с долей удивления уточнила она, выпячив свои глаза.

– Ну да, – спокойно продолжил я, зная, что лёд разбавляет виски, а от этого я меньше опьянею. А кола... Я же не дурак, чтобы терять драгоценный градус.

Дамочка оставила мне в душе свой удивленный взгляд, а сама двинула свои пухлые ягодицы в сторону бара. Через несколько мгновений я уже пил свой Джемисон, запивая его Джимом Бимом. Я любил пить натошак, так больше врезало по голове. С каждым новым маленьким глотком мне становилось лучше, но ровно до тех пор, пока я не стал слушать дамочек за соседним столом. Одна рассказывала другой, что за этот год успела прочитать двадцать книг.

– *Неплохо*, – подумал я и затянул небольшой глоток, смакуя каждый момент.

После их разговор перешёл на обсуждение каких-то своих знакомых, а может и ёбырей – я не вникал, да и уже был достаточно подшофе, чтобы пропустить этот момент. Какие-то жалобы, что-то не устраивало.

– Я ему говорю, что то, что ты делаешь абсолютно всё

правильно... это... это же неправильно! – кричала девица с длинными прямыми волосами и заштукатуренным лицом.

Иногда человек хватается обилием прочитанных им книг, а смотришь на него и думаешь, что чтение, увы, не помогло.

– *Эх, ей бы самой книжки писать – разошлась бы на цитаты.* За вечную глупость, – произнеся эти слова у себя в голове, я чокнул один бокал о другой и отпил из обоих, после чего просил счёт. Я всегда оставлял на чай за исключением случаев, когда не было лишних денег, потому на чай я практически никогда не оставлял, и этот вечер был не исключением. Нехер удивляться тому, что я пью виски чистым.

По дороге домой, на Курском вокзале, я наткнулся на ларёк с книжками, вокруг которого крутились люди в свете фонаря. «Всё по 60 рублей» – гласила надпись над ларьком. Там было всё: огород, гороскоп, псевдополитика и псевдоистория, любовные романы (фу, какая дрянь), какие-то книги ноунеймов (моих там не было, что странно, я бы даже не удивился, увидев их там). Было все, кроме того, что мне нужно. Люди читают всякое дерьмо, так что и у меня был шанс на успех в этом нелёгком ремесле писателя.

– Экая гадость, – прошептал я и пошёл в сторону электрички.

ЖД станция. Из колонок звучат тётки, которые объявляют чёрт пойми что. Я не слушаю, да и никогда не занимался такой фигнёй, а порой кажется, что нужен некоторый дар, дабы понимать их речь.

Мне редко удавалось найти место и сесть, ведь в этих электричках сам дьявол живёт, который заставляет тебя страдать каждую секунду, встречая вонюю ссанины от сортира в первом же вагоне. Даже если ты и успеешь ухватить себе одно место внутри, то обязательно появится какая-нибудь женщина-бочка или бабушка, которая встанет рядом с тяжёлым, измученным жизнью лицом и будет жалобно вздыхать и кряхтеть. И что делать в этом случае? Не смотреть на них и ехать дальше! (Так ответит мне любой среднестатистический быдлан, тьфу таким в рожу). В общем, я езжу стоя, а рядом частенько появляется вышеупомянутый контингент из лиц с банками «Жигуля» и сухариками, в рот их всех ебать; каждый раз, как такие уроды открывают свои банки пива, мне хочется исчезнуть из этой жизни или, по крайней мере, разбогатеть настолько, чтобы никогда больше не встречать подобных сцен. Жизнь не любила меня, а я – её. Так и жили мы в этом браке с самого моего рождения, ожидая момента застукать друг друга с любовниками(-цами). И если я видел любовников жизни (кто-то называет их любимчики, но такое слово, по мне, не слишком удачно или уместно), то уйти к единственной возможной любовнице я пока не мог. Рука не поднималась.

Я достал из рюкзака книгу, это был Достоевский. Что сказать? Вот это талант, и попробуй напиши что-то подобное – хрен у тебя когда получится. Он пишет и открыто, и даже уместным, цивилильным языком, а сюжеты держат тебя за яй-

да очень плотно (когда уже прочитал три четверти книги, до этого невероятно скучно). А насчёт языка могу сказать вот что: людям кажется, что книга – святая святых слога, но они же не понимают, что та самая книга должна ставить перед собой задачу учить человека, пусть и не всегда корректным, но зато всем понятным способом. Это как бы в оправдание своих творений, а пишу я как тупой быдлан, коих – это было заметно выше – сам и ненавижу.

По ходу движения электрички из вентиляции на книгу попало какое-то дерьмо вроде пепла. Ненавижу, когда книги портятся, а тем более, когда их портят, при этом некоторые авторы портят книги только тем, что сели их писать. Слишком много у меня злых высказываний, наверное, но я же писатель, чёрт возьми! Мы живём во время, когда нужно втоптать в грязь соратников, чтобы быть на их фоне блестящим и неотразимым! Да, я скотина, и что? Зашёл за вином, открыл дверь квартиры и вернулся к невымытым бокалам. Открыв бутылку вина, я, как обычно, выпил её за две минуты и сидел, ловил своё вдохновение, да только виски было лишним, и весь мой вечер превратился в пустое блуждание по интернету, пока я не уснул на своём рабочем месте. Пропустил, так сказать, момент творчества.

Наутро мне не нужно было куда-то торопиться, так что я проснулся с привычной вонью изо рта, невымытым телом и волосами, а в телефоне уже висело сообщение от моей подруги, с которой я договорился встретиться на эту субботу.

Через некоторое время с утренними процедурами было покончено, я привёл себя в порядок, поглядел в зеркало и увидел неотразимого красавца там: высокий, стройный парень (интересно, хоть кто-нибудь из мужчин видит себя иначе?) с вьющимися, но не кучерявыми каштановыми волосами. На момент даже показалось, что существование не такое уж и плохое, но потом нашёл пустой холодильник, в котором мыши уже не вешались, потому что не хотели отдаваться мне на пропитание. Пришлось довольствоваться голодным утром – врачи говорят, голодание полезно. Всегда ценил эту людскую черту, благодаря которой можно смириться с любой хренью в твоей жизни, если найти ей должное оправдание.

До обеда я сидел и пытался собраться с мыслями, обдумывая сюжетные повороты и характеры главных героев. Это был такой скучный рассказ о хорошем парне, жизнь которого наградила его самыми интересными людьми, а он не ценил то время, проведённое с ними, отдавая себя полностью на любовные романы с девушками-одндневками. Мораль же рассказа я так и не смог осознать, потому что фразы типа «цените время, проведённое вместе, пока ещё можете» звучат слишком банально, да и к тому же к реальности они никакого отношения не имеют. Всякое воспоминание кажется куда красочнее, нежели момент был на самом деле, и напоминает скорее несбывшиеся мечты, поэтому от подобных клише меня выворачивает наизнанку. В конце концов, я написал пару страниц, бросил это занятие и двинулся на стан-

цию, где со следующей электричкой отправился на Курский вокзал. В таких местах кажется, что если Ад и впрямь существует, то русские и вправду как мученики должны его миновать. Толпы людей в транспорте, мерзки и злые лица, сволочное отношение друг к другу и ни одного приятного слова – это ли не самое забытое Богом место? Может, Россия – это чистилище? За какие грехи тогда все тут?

Мы с подругой договорились встретиться ближе к центру, а на Курском вокзале мне попытался какой-то парниша побыстрее продать переносной аккумулятор, который он, видать, у кого-то моментом ранее подрезал. Я взял лёгкий перекус в кафе «Всё по 50», который обошёлся мне в 200 рублей (чёртовы маркетологи, умеют же деньги выжимать из людей): это был превентивный удар по нашим посиделкам с Анютой. Не заказать там я не мог, так пусть уж лучше что-то дешёвое, чем с голоду закажу себе всякой ерунды.

В метро на мои грязные ботинки уставилась одна мадам, после чего с пренебрежением озарила меня своими чудными глазами. Я видел кусков говна с чистыми ботинками, видел хороших людей с грязными. Причислять себя к первым я не хотел, поэтому, видать, и обувь редко чистил, практически никогда. Мне казалось, что опрятная внешность говорит о том, что человек тратил слишком много времени на себя снаружи, и времени на внутреннюю свою часть у него совсем не оставалось. А вообще я ленив. Выбрасывать время на чистку обуви? Нет уж, спасибо, это не по мне. Я хожу по

говну каждый день, слышу говно каждый день из уст других людей, вижу говно на их лицах и вне их. Так почему бы мне притворяться, будто я приехал из дворца, которого у меня даже нет?

На улице висели какие-то агитационные и политические плакаты, гласившие: «Россия – самая ...». Раньше, в детстве и юношестве, от фразы «Россия – самая большая на свете страна» появлялась какая-то непонятная мне сейчас гордость. Теперь на подобного рода заявления я лишь отвечаю «ну и что?». Это как письками мериться: интересно, у кого больше, но бессмысленно. Лучше бы с ворами боролись, которых развелось что-то пруд пруди. Многие боятся воров в законе, а нужно бояться законов воров. Да и вообще, людям свойственно бояться того, чего они не знают, а не знают они многого.

Я зашёл в бар, официантка провела меня к нужному столу, и, конечно же, он был пуст. Удивляться опозданиям Анюты я перестал уже очень давно, особенно после того случая, как прождал её два часа сряду (и чуть не остался виноват в том, что пожаловался на это). После вчерашнего у меня отпал настрой пить, поэтому я попросту ждал, но дабы не сидеть в одиночку, заказал себе порцию виски. Чистого. Официантка принесла мне её, а рядом на повышенных тонах спорили два джентльмена с большими брюхами и пьяными красными мордами. Я отпил, поглядел на них – они были на взводе: то, что нужно. Как мне показалось, кто-то кого-то

из них оскорбил, причём явно дело было поднято из воздуха, и они решили «разобраться по-мужски» на улице. Очень странно наблюдать подобное: понятием чести кичится больше всех обычно тот, кто не имеет о ней ни малейшего понятия. А таких было, к сожалению, большинство. Здесь можно было бы сделать отсылку к Шопенгауэру и его описанию «рыцарской» чести, но опустим, пожалуй, этот момент, тем более что отсылку я уже успешно сделал.

Через пару минут подошла Анюта. Она выглядела, как всегда, великолепно за исключением, опять же, как всегда, двух пар мешков под своими глазами. Эта симпатичная стройная дамочка с короткими чёрными волосами и чёрной одеждой вечно улыбалась, завидев меня, а я не мог не отвечать тем же.

– Там на улице два мужика морды друг другу били, так прикольно! – с горячим воодушевлением говорила она. – Хочешь поглядеть? Они ещё, может быть, там.

– Не, спасибо, я пас.

– А чего мне ничего не заказал? – с возмущением спросила Анюта.

– Откуда я знаю, что тебе нужно? – пробурчал я.

– Мне нужно напиться хорошенько после тяжёлой недели!

– Я вчера с этим прекрасно справился, так что сегодня легонько.

– Ну-ну, – улыбнулась она своей не очень ровной улыбкой, взяла меню и заказала себе выпить.

Сначала всё было обычно: мы обменивались своими впечатлениями от прошедшей недели, как всегда жалуясь на начальство и коллег, а затем выпивка начала возрастать в объёмах. Я отказывался пить, а через какое-то время я обнаружил себя в стабильно пьяном состоянии, когда вокруг меня уже побывало пару рюмок Б-52 и бокал красного вина.

– Ты ещё пишешь? – спросила Аня с более серьёзным видом.

– Да.

– И как?

– Паршиво. Я пишу, никто не ценит, а мне и похер. Лишь бы клавиатура стучала, а вино лилось рекой.

– Может, херню пишешь? – с улыбкой подметила она. – Я, кстати, так и не видела ни одной твоей строчки из книг.

– Я пишу херню, это однозначно. А насчёт строчек... нет уж, пожалуй, оставлю при себе. Как ты себе представляешь меня, пишущего серьёзные вещи?

– Очень даже хорошо представляю, – с гонором ответила она, и я даже захотел ей поверить. – Вот вижу, что ты очень умный парень и тебя ждёт успех. Непременно!

– Ага, конечно. Представь себя за одним столом с Толстым, Пушкиным и так далее. Нереально.

– Ай да брось, Серёж. Я верю, что это твоё. И вообще, на мой взгляд, хорошие и умные люди читают книжки, чтобы узнать что-то новое, смотрят хорошее кино и вообще всеми силами пытаются вычлени́ть смысл из любой ситуации в

жизни. Эти слова про тебя, кстати.

– Спасибо, я, правда, так не считаю...

– А всякие долбоёбы, – она разошлась и перешла на некое подобие крика, – ничего не делают, лишь бы плюхнуться поскорее в свою кровать, сбрызнуть из своего маленького или не очень члена за пару минут, выжрать пива или ещё чего, да и, в принципе, всё. Ладно, ещё телек посмотрят или в интернет зайдут. Это те самые личности, которые разбрасывают свои ноги на пять мест в транспорте (как же я их ненавижу, Господи, ты бы знал!) и делают всё без малейшего сомнения, потому что чтобы сомневаться, нужно думать, а это им крайне тяжело даётся.

– Ух, сколько у тебя злости накопилось-то, – ухмыльнулся я.

– Ты смейся, смейся, а ты на самом деле не такой-то уж и простак.

– Хорошо.

Мы продолжили обсуждать всех и вся, любили мы это занятие. Вечер шёл, и закончился бы он точно так же, как и обычно, если бы ко мне не подошёл какой-то парень в чёрном костюме с чёрным галстуком и чёрной рубашкой. Выглядел он более чем опрятно, и я не мог никак понять, что ему от меня могло бы понадобиться. С такими не привык водиться.

– Сергеев? – спросил он, крутя в руках чёрную кожаную папку.

– Как вы на меня вышли? Я же хорошо прятался. Ах, эта проклятая Кейтлин, так и знал, что не стоит доверять этой сучке!

– Что? – он немного опешил от такого моего ответа, но миг продолжил. – Вам доставка.

– Что за доставка такая? – поинтересовался я, заглядывая к нему в глаза, которые он старательно пытался скрыть.

– Вы же заказывали недавно тетрадь, верно? – решил удостовериться он.

– Конечно! Сколько вас можно ждать? Я думал, вы не появитесь.

– Простите, пожалуйста, господин Сергеев, – он достал из своей папки лист бумаги – бланк, заполненный от и до, ожидающий только моей подписи. – Распишитесь в получении, пожалуйста.

Я черкнул своей дежурной каракулей, которая на самом деле и не являлась моей подписью вовсе. Он отдал мне какую-то тетрадь в твёрдом чёрном кожаном переплёте.

– В следующий раз я пожалуюсь на вас начальству! – крикнул я на него. – В этот же прощаю.

– Спасибо, господин Сергеев. Этого больше не повторится, уверяю вас! Всего доброго, мне пора бежать, у меня ещё несколько заказов.

– Давай, давай, – буркнул я.

Он исчез так же быстро, как и появился, а я поглядел на свою посылку, после чего на вопросительное выражение ли-

ца Анюты.

– А ты, я гляжу, важной персоной стал, – с нескрываемым удивлением говорила она. – Заказываешь тетради, да ещё и с личной доставкой курьером.

– Да, дела идут в гору, видишь ли, – продолжил я и отпил из бокала.

– А что за тетрадь, если не секрет?

– Не секрет. Я понятия не имею.

– Это как?! – она тряхнула головой и стала таращиться на меня.

– Так. Я вообще не знаю, что это за тетрадь и кто был этот мужик.

– И ты подписал эту бумагу, даже не прочтя, что там было?

– Без малейших сомнений! – с гордостью добавил я, как будто было, чем гордиться.

– Так... так... стоп. Для начала, забудь все мои слова относительно того, что ты умный человек, окей?

– Ага, – улыбнулся я.

– Да ты серьёзно что ли?! Он мог у тебя всё имущество переписать на себя сейчас взамен на сраную тетрадку, а ты вот так с бухты-Барахты говоришь «ага»?!

– Чтобы что-то переписать, Анюта, нужно что-то иметь, а это совсем не ко мне. Так что у меня теперь есть тетрадка, а у него каракуля на бумажке.

– Ты полный кретин! – едва выдохнула Анюта.

– За это и пьём! – я поднял бокал, но она не поддержала

меня.

Этот вечер мы закончили быстро: Анятя тяжело шла на контакт после этого забавного случая, пытаясь всё-таки догадаться, что этот парень сделает теперь с моей подписью, а мне это быстро наскучило, так что я отправился домой. Спустя долгое время я доехал, сел за свой ноутбук, но желания писать я так и не нашёл, а бороться уж и совсем не хотелось с собой. Я долго рассматривал эту тетрадь, будто уловив тревожный настрой Аняты, однако в ней не было ничего необычного, кроме обложки, так что я быстренько поставил какой-то там фильм на английском и уснул на диване.

Успешные парни не смотрят на скидки в магазинах

Проснувшись посреди ночи, я резко понял, чего не хватает моим книгам – моей работы над ними, так что быстренько поднялся с дивана с ещё не просохшим до конца сознанием и сел за свой пыльный стол с раздолбанным кое-как работающим компьютером на нём. Аппетит приходит во время еды, но с книгами это так не работает: если надолго забросить всё это дело, то и желание творить хоть что-то пропадает в миг, и приходится бороться с самим собой, чтобы выжать из себя хотя бы пару букв, после чего ты бросаешься на всё тот же вонючий диван, чтобы придаться любимому занятию всех людей на свете, о котором я уже писал ранее. Так что выхода у меня не было, и я начал нажимать на эти чёртовы клавиши, чтобы довести историю того хорошего парня хотя бы не до конца, но приблизить её как можно сильнее к финальной точке и моей любимой фразе «Конец!». Обожаю это чувство, когда дописанная книга уже находится у тебя. Столько возни, и кажется: «Господи, да как же я уже устал от всех этих строк». Появляется странное ощущение, что твоя книга – дерьмо собачье, поэтому и перечитывать её совсем не хочется, отсюда следует единственно верное решение в данной ситуации: просто забросить этот осколок твоей души

на растерзание в интернет, где тебе с удовольствием покажут «литературные критики» (что ни бельмеса в этом ремесле), что душа твоя та ещё поганьщина, а долгие часы твоей работы никому нахер не упёрлись. Это даже не попытка давить на жалость, скорее способ показать, что можно вложить во что-то много времени, но если у тебя недостаточно набита рука – а ещё лучше голова – то и какого-то бешеного успеха ожидать совершенно не стоит. Но самый парадоксальный момент во всём этом занятии (я имею в виду писанину) заключается в том, что если твоё произведение даже чем-то и примечательно, то, скорее всего, его ждёт та же самая участь, и пёс его знает, как работает вся эта система. Вернее, я знаю (я не пёс, скорее, серая мышь): сначала ты делаешь себе имя (случайно или нет), а потом тебя преследует успех до определённого периода времени. Но как писал всё тот же Шопенгауэр, чем быстрее к тебе приходит успех, тем быстрее он исчезнет – как в наше время: что ни подросток, то репер – поэтому я трудился, что было сил, набивая всё новые листы полезного или бесполезного (кто как решит) текста со стойкими мыслями, что исхода у меня всего два: либо я стану чертовски хорош и добьюсь признания, либо я распечатаю все мои труды и у меня будет очень большой запас (пусть и не нужного мне качества) туалетной бумаги на всю жизнь.

Закончил со всем я где-то под пять часов утра, но точно я не помню, ибо проснулся в девять в луже своей собственной слюны, а ко мне в дверь кто-то стучался. Я не думал, что за-

топил соседей, так что украдкой, медленно подошёл к глазку, будто бы моя жизнь кому-то была интересна настолько, что могла даже быть в опасности. Когда я увидел там своего соседа по лестничному проёму Жору, то решил не открывать дверь, однако этот говнюк всё равно продолжал стучаться, словно знал, что я дома. Я точно так же на носочках ушёл в сторону комнаты и дожидался, пока этот козёл уйдёт, но он стучал и стучал. Будь я одним из своих соседей, то вышел бы и спустил с лестницы, что, кстати говоря, я и намерился сделать через пару минут такого издевательства над моей тяжёлой головой утром в воскресенье. Я пошёл к двери с тяжёлым топотом, и Жора прекратил стучать, вероятно, чувствуя мой настрой.

– А, Серёга, ты дома? – с наигранным удивлением и своей дурацкой улыбкой он произнёс мне через едва открытую дверь.

– Чего хотел? – грубо буркнул я сквозь свои маленькие китайские щёлочки, под которыми глаза рыдали от падающего в них света.

– Да я же переезжаю, вот, зашёл попрощаться, – угрюмо и с долей сочувствия самому себе тихо сказал Жора.

– А, ну давай, – я стал закрывать дверь, но он остановил меня, как и всегда до этого.

– Давай, может, это, присядем на дорожку? – сказал он, держа пару бутылок пива и бутылку вина в руках.

– У тебя есть, на что присесть, я гляжу, – продолжил я, но

сбавил напор. – Я только вчера знатно врезал, так что сегодня найди себе другого собутыльника.

– Нет, я хочу с тобой посидеть, – Жора настаивал, и я, не выдержав, открыл ему дверь. Тот с радостной ухмылкой победителя завалился в квартиру, после чего, не разуваясь, сразу ринулся на мою кухню, где стал открывать пиво (для себя, естественно).

Жора был странный человек в том плане, что как бы грубо я с ним ни обходился, он всё равно был почему-то твёрдо уверен, что мы с ним лучшие друзья. Ему было около двадцати восьми лет, сам невысокого роста, коренастый и пухлый, с короткими то ли светлыми, то ли тёмно-русыми волосами (мне было трудно определить этот цвет, я просто знал, что он противен мне (Жора или цвет?)). У него была жена, от которой он периодически бегал ко мне пить алкогольные напитки, за что потом знатно получал по голове, прикрываясь тем фактом, что пил он со своим лучшим другом и соседом. Мне было слегка жаль его, но это длилось ровно до тех пор, пока он не напивался и не открывал рот. Жора много читал, но, как я уже говорил, он был из тех персон, которым чтение не особо-то и помогало собрать свои мозги в кучу. Зато он считал себя очень образованным и начитанным человеком, дела которого шли в гору – вон, даже смог купить себе квартиру внутри МКАДа – поэтому считал своей святой обязанностью сидеть и пердеть мне в уши о том, какой же он классный, наставляя меня на моём жизненном пути

к успеху, а также высказывать свои мысли насчёт литературы и книг только на тех основаниях, что просто много, но без толку, читал. Как-то раз я проболтался о том, что пишу, и теперь Жора в каждой беседе вспоминал этот мой недостаток, при этом находя в себе силы даже подавать какие-то советы. Как же здорово слышать нотации и поучения в каком-либо деле от тех, кто с делом этим никоим образом не связан. Меня всегда это раздражало, и я вспоминал золотой вопрос «Почему нельзя трахаться на Красной площади?».

– Ну, как твои успехи? – после первой выпитой враз бутылки пива, с гордо поднятым носом-картошкой заявил мне Жора.

– Работа, дом, суходрочка – всё как всегда.

– Ха-ха, так у тебя ничего не получится, Серёга, – он закурил, сделав страшно деловую морду при первой крепкой затяжке. – Нужен план действий, стратегия!

– Ага... – ну вот и началось снова.

– Да, тебе нужна цель, а чтобы её добиться, нужно расписать все свои действия по шагам! Вот я, видишь, добился того, что взял хату. Сам! Без чьей-либо помощи, – тут я понимал, что этот поганец пиздел мне, на чём свет стоит, ведь он взял ипотеку и насобирал денег в долг у своих знакомых и родственников, дабы побыстрее разобраться с банком. Крепин. Сам же показатель того, что человек что-то покупает, для меня не казался успехом, к которому стоило бы стремиться. А если он при этом ещё и начинает хвастаться своей

покупкой, то это уже совсем переходило все границы, и меня начинало тошнить. Он выпил ещё одну бутылку, затянул сигарету и потушил её в раковине, после чего достал жвачку и всё последующее время ужасным, мерзким образом чавкал ею. – Поэтому могу посоветовать тебе свою систему, с которой ты можешь добиться хоть чего-то в жизни, и, может даже, наконец-то уже заведёшь себе жену.

– Спасибо, – сказал я, но продолжать не стал, зная, как этот павлин начнёт извиваться со своими советами вокруг меня, доказывая (непонятно, кому: мне или себе) тот факт (и факт ли), что его жизнь совсем не напрасна, если я начну спорить.

– Например, ты же пишешь, – о Господи, нет, только не снова это. – Кстати, я так и не видел до сих пор ни одной твоей книги...

– Бог отвёл.

– Ха, вот видишь! Ты слишком не уверен в своих силах, Серёга, а жизнь любит тех, кто обращается с ней дерзко и берёт от неё столько, сколько сможет унести, – ох уж эта типично русская черта: схватить, сколько влезет, а потом разбираться, что с этим делать. – Вот ты дай мне взглянуть на свои книги. Я же, как-никак, разбираюсь в литературе. Я за этот год двадцать книжек прочитал.

– Дежавю, – пробормотал я.

– Чего?

– Ничего, мне не очень хорошо. Быть может, из-за твоих

советов, сплевать просто готов.

– Ой, да чего ты опять начинаешь? Давай, пойдём, я гляну на твои творения! – он встал и стремительно бросился из кухни в комнату, да так быстро, что я не успел преградить собою дверной проём. – Фу, ну и грязно же тут у тебя, – завопил он, наступив носком своей обуви в винное пятно на линолеуме, к которому немного прилип. – Так, что тут у тебя...

– А ну быстро отошёл от компьютера, если жизнь дорога! Я не шучу, Жора, блять! – я рывкнул так, что, мне показалось, аж стены задрожали. Насчёт стен я не был уверен, но Жора вздрогнул будь здоров. Воспользовавшись моментом, я захлопнул ноутбук.

– Ты чего так реагируешь? Это же просто книги, – с недопониманием возразил он.

– Это мои книги, и я буду решать, кому их не показывать.

– Ты имел в виду, показывать?

– Тебе пора, Жора. Давай, у тебя переезд ещё!

– А, да ла-а-а-адно, – протянул он в пьяной улыбке. Теперь от этого хрена было не так просто отвязаться. – Успею. Мне нужно тебе помочь, чай, долго ещё не увидимся.

– *Я надеюсь, мы никогда больше не увидимся* – промелькнуло в мыслях у меня.

– Так вот, – Жора смотрел по сторонам, – а! Что за тетрадка интересная такая? Кожаная обложка. Я хочу её себе.

– Если ты поклянёшься сразу же свалить отсюда, то заби-

рай её и катись, – грубо ответил я.

– Не, нафиг она мне нужна? – так и знал, что этот хер просто тянет время. – Лучше давай вот что. Сделаем тебе план на жизнь!

– Моя жизнь меня более чем устраивает.

– Да не гони ты, Серёга! Всё должно быть нормально, как у людей!

– Как у тебя?

– В том числе.

– Я отказываюсь.

– Ну хватит, всё. Давай, – он схватил тетрадь, открыл её, положил на стол первой страницей и взял в руки ручку со стола, которая была ещё в моей слюней, – что за дрянь?! Ладно, садись.

– Что тебе нужно, Жора?! – я начинал заводиться.

– Быстро, быстро! Садись.

– Я не собираюсь садиться, пока ты не скажешь, чего тебе от меня нужно! – кричал я.

– Я лишь хочу, чтобы ты написал свой план на будущее. Обозначь свою цель, а затем распиши её!

– Жора, не беси меня!

– Клянусь, я уйду, как только ты напишешь свою цель номер один в жизни! – этот проныра знал, как заставить людей действовать в нужном ему ключе, знал, на что давить. Я сел, и он дал мне в руки ручку. – Так, пиши давай.

– Что писать? Я напишу всё, что угодно, лишь бы ты ско-

рее ушёл из моего дома и никогда больше сюда не возвращался.

– Пиши свою цель номер один в жизни! – воодушевлённо крикнул он. Я задумался на пару мгновений, но не больше – настолько сильно я хотел, чтобы этот неприятный персонаж покинул мою квартиру и мою жизнь, так что торопил себя.

Я нацарапал на первой странице большими и кривыми (как я это умею, не все писатели имеют красивый почерк, уверяю) буквами: «Я хочу стать самым популярным писателем в мире!». После этого я показал надпись Жоре, он, кажется, был в восторге.

– Я написал, теперь уходи!

– Последний штрих...

– Жора, ты обещал!

– Да, да, сейчас, только один момент! – он схватил тетрадь, небрежно вырвал из неё лист, достал жвачку изо рта, приклеил её к стене, а сверху припечатал листом бумаги с моим желанием номер один. – Вот! Теперь всё готово! Теперь ты будешь идти к поставленной цели уверенно, а когда добьёшься успеха, то и меня вспомнить не забудь!

– Жора, убирайся, прошу тебя, – я уже гневался, руки начали трястись.

– Да, да, всё, ухожу, – он двинулся к выходу, где повернулся ко мне и протянул руку. – Ну, давай, Серёга, прощай. Увидимся или нет – жизнь покажет, а ты теперь добьёшься успеха, вот увидишь!

Я пожал ему руку, а он накиннулся с крепкими объятиями и, как мне показалось, даже пустил скупую мужскую слезу, и на этом моменте выбежал из квартиры, чтобы не предстать передо мной в самом разгаре своих эмоций. Я наконец-то закрыл дверь. Проходя по коридору, я заметил закрытую бутылку вина на столе, и подумал, что хоть какая-то польза от его появления осталась. Мне нужно было забыться после появления этого кретина (не знаю, почему я так решил), так что я быстрёхонько откупорил бутылку, выпил в два захода и вернулся в комнату к своему ноутбуку, открыв который не нашёл в себе сил писать. Подошло стойкое ощущение, что Жора сбил мне всю мою карму, и все мои навыки улетучились в один момент. Я пялился на этот листок с «моей целью номер один», и через какое-то время меня охватила непонятная злость, словно этот лист и сделал всю кашу в моей голове, из-за которой подоспела писательская импотенция. В резком порыве гнева я сорвал его со стены, взял жвачку и пошёл в сортир, попутно захватив из комнаты зажигалку. Там я поджёг этот листок, бросил жвачку в пучину сточных вод, и подготовил пепел от «моей цели номер один» к тому же полёту. Когда весь кусок бумаги сгорел дотла, я смыл воду в унитазе, и с Жорой в моей жизни было покончено окончательно. Хотя нет, оставалось выкинуть бутылки, но я решил сделать это чуть позже, а на этот раз недосып и алкоголь выключили меня через одно мгновение.

Цвета карнавала безумия

Я не знаю, сколько длилось то мгновение, и, вероятно, прошла даже целая эпоха, которую мне довелось пропустить. В любом случае, громкий стук в дверь ошеломил меня, в этот раз настроение было поганейшим, и я вскочил с дивана, словно от секунды промедления мир мог покрыться чем-то ужасным. Если точно вдаваться в подробности, то он и покрылся (людьми), причём уже давным-давно, и, кажется, я был тут ни при чём. Стук был очень наглым и напористым, поэтому пришлось торопиться, чтобы наконец-то отпилить тому барану, что ломился в мои ворота, рога и засунуть их куда-то туда, где они стали бы хорошим жизненным смыслом. Мой носок прилип к пятну вина на полу, и это раздражало меня ещё больше: почему я так редко убирался в этой дрянной квартирке? Но время было не совсем подходящим для мытья полов, вскоре я очутился в коридоре и открыл дверь.

– Так, Жора, блять! Ты мне обещал, что... – передо мной очутился пухловатый мужичок в чёрном костюме с белой рубашкой, среднего роста и аккуратно постриженный. На его руках блеснули какие-то часы за неизвестные моему разуму суммы денег.

– Что? – заявил он с недоумевающим видом и телефоном в руках. Это был айфон, и, вероятно, последней версии (я не

силён в этом дерьме с завышенной в пять раз стоимостью за бренд). Там мелькали какие-то сообщения, поступающие с невероятной скоростью.

– Вы кто такой? – грубо заявил я, скорчив страшную гримасу. Уверенности в её пугающем виде у меня не было, но пытался я изо всех сил.

– Очень смешно. Так, Сергей, – этот дорого одетый засранец нагло открыл дверь квартиры и вошёл, подвинув меня подальше, – у нас мало времени, а дел – невпроворот. Ты ещё не одевался даже?! Господи, давай быстрее, умоляю! Нас уже ждут люди.

Была неловкая пауза, в которой я смотрел на этого навязчивого идиота, взявшегося буквально из ниоткуда, но уже успевавшего раздавать мне приказы.

– Что? Что ты смотришь?! – с деловым видом он заявлял мне. – Одевайся, говорю!

– Я, конечно, дико извиняюсь, – вежливо, как меня учила мама, начал я, – но вы, блядь, кто нахуй такой? – грубо, как учил меня отец, отчеканил я в конце.

– Да что с тобой не так?! В чём твоя проблема? – это он пытался произнести фразу *what's your problem*, калькой перешедшую в русский язык, которую я отчаянно ненавидел; этим мужик заставил меня презирать его ещё больше. – А, понятно всё с тобой! – он зашёл в кухню, увидел бутылку пустую бутылку вина и немного выругался себе под нос. – Так, – он стремительно, как рысь, бросился в комнату, от-

крыл мой шкаф с одеждой и стал выбрасывать что-то на диван. Там были чёрные джинсы, чёрная рубашка и, собственно, всё (я любил носить чёрный цвет). – Одевайся, нас ждёт машина внизу.

– Мужик, да какого хуя тебе от меня нужно?! – крикнул я на него.

– А, Боже, опять за старое! – громогласно, вглядываясь в потолок, завопил он. – Да ты так все мозги свои пропъёшь, за которые мы оба получаем деньги. Одевайся, говорю!

– Пока ты мне не скажешь, кто такой, я и пальцем не пошевелю! – яростно боролся я. – Это что, сон какой-то?! Вот уж и правда, пора прекращать так много пить, а то не успеешь одного долбоёба прогнать...

– Одевайся, прошу тебя, – он жалобно стал просить, будто уже был готов стать на колени, – мы опаздываем! Машина стоит готовая уже!

– Ты, кажется, меня не понял...

– О, Матерь Божья, – как он меня доставал своим нытьём, страшно было подумать, но ходил он по комнате туда-сюда, поглядывая в потолок. – Да агент я твой, агент!

– Агент? Я, вроде как, не оперативник, чтобы...

– Сергей, прошу тебя, – он стал указывать на свои часы за хуево-кукуево денег, скривив жалобную моську, – время идёт! Встреча назначена, быстрее, умоляю!

– Хорошо, но потом ты мне покупаешь виски, понял?! – безальтернативно поставил ребром вопрос я. Он нарушил

мой сон, и, скорее всего, даже был моим сном, поэтому я решил подыграть. Чего только не сделаешь на пьяную голову?

Этому мужичку кто-то позвонил, так что он вынужден был побежать в кухню, чтобы поговорить по своей охереть какой дорогой трубке. Ко мне же в голову пришла идея. а что, если выпрыгнуть из окна? Ведь если это был сон, то и полететь я мог запросто. Одевшись в те тряпки, что он выбросил на диван, я подошёл к окну и приоткрыл его, чтобы посмотреть вниз. Девятый этаж, мать его, а страх брал за яйца, как будто это и впрямь была реальность. Внизу стояла чёрная машина, с виду очень дорогая. Через секунду шум на кухне утих и «мой агент» вернулся в комнату.

– Пора выхо... ты что там делаешь?! – в истерике кричал он, снова дёрнувшись ко мне.

– Заткнись! Если это сон, то я готов улететь прямо сейчас, лишь бы не видеть больше этой суеты.

Он дёрнул меня за руку и повёл, как маленькую девочку, вниз. Я даже не успел закрыть квартиру, на что пытался ругаться по ходу нашего движения, но он и слушать не хотел. Этот глупый агент Смит вёл меня по лестнице, под давлением эмоций совсем забыв о том, на какой высоте мы находились. Я было намекнул, но он и слушать не желал. Терпеть не могу капризных людей.

Мы вышли из подъезда, он пихнул меня на заднее сидение (дверцу машины любезно держал шофёр, а после моего громкого приземления в салоне не менее любезно закрыл

её), сам же сел вперёд. Как только машина тронулась, агент Смит приказал шофёру запереть двери в салоне, и тут я почувствовал себя в какой-то клетке.

– И что это, блять, за фокусы?! – кричал я с заднего сидения. – Смит, куда мы едем? Что за встреча?

– Какой нахер Смит? В общем, у тебя сейчас презентация твоей книги в «Библио-Глобусе» на Лубянке, так что лучше приготовься отвечать на возможные вопросы. Давай, объезжай этого мудака! – крикнул он водителю.

– Там пешеходы, – бубнел тот в ответ.

– Сбивай их нахуй! Мы не должны опоздать! – бесился Смит, но водитель, однако, держался молодцом и не прогнулся под истериками капризной бабы. В этой машине у меня появился любимчик.

– Какой, в жопу, книги? – поинтересовался я. – Смит, блять, я ни черта не понимаю. Ты можешь выразиться конкретнее?!

– Во-первых, моё имя не Смит, а Лука!

– Всё понятно! Откуда бы тут взяться Александру или Владимиру? Естественно Лука, как же ещё?! – вспыхнул я.

– Во-вторых, у тебя презентация твоей книги «Космическая вафля», и на неё придут, между прочим, очень влиятельные литературные критики, такие как Иосиф...

– Всё, мне не интересно, какие там ещё Иосифы, Давиды и прочая шушера будет сидеть. Какого хера тут происходит?

– Я же, по-моему, очень ясно изложил! – крикнул Лука

мне на заднее сиденье, но как только машина начала резко тормозить, он повернул голову обратно, открыл окно, высу- нулся из него и стал вопить. – Какого хуя ты там делаешь? А ну пшёл с дороги, пёс!

Теперь я стал осознавать, что за дерьмо со мной проис- ходило. Мою «Космическую вафлю» собирались обсуждать не в каком-то подвале среди круга моих друзей, а в «Библио-Глобусе» среди различного рода, как сказал Лука, «вли- тельных» литературных критиков. В одну секунду таких из- менений в мире не могло произойти, поэтому я был весь в сомнениях: либо это и взаправду был сон, либо сам Господь Бог вселился тогда в Жору и исполнил написанное мною на бумажке. Нужно было проверить первый вариант.

– Водитель, у тебя есть пистолет? – крикнул я парню за рулём.

– Что?! Зачем тебе пистолет? – визгнул Лука. Он меня раздражал всё больше, так что нужно было что-то делать.

– Мне нужно узнать, сон это или нет. Водитель, дай ствол!

– Ты что задумал?! – продолжал Лука, удерживая руку во- дителя, которая потянулась, видать, за пистолетом. Значит, он тут и впрямь был. – Опять суицид? Ты что, застрелиться что ли удумал?

– Зачем мне стреляться?! Я что, идиот что ли?

– А зачем он тогда тебе? Объясни мне, алкоголик ты мо- лоджавый. О, Господи, за что мне всё это?

– Я хотел застрелить одного из трёх сидящих тут, в маши-

не, людей и при этом не опоздать на презентацию книги.

– Да что ты такое... что у тебя за шуточки такие?! – злобно орал на меня Лука.

– А кто сказал, что я шучу? Ты уже достал меня. Я тебя первый день в своей жизни вижу, и тот неполный, а ты меня уже до ручки доводишь.

– Какой такой первый день? У тебя горячка, парень! Мы уже с тобой работаем больше...

– Ну, сколько мы с тобой работаем?! Скажи мне!

– Я не считал! Да и не важно это всё, сейчас важны деньги, которые нам важно не упустить.

– Тогда заткнись и дай нам такую возможность. Как ты меня бесишь уже, мать твою за ногу!

– Мать мою не тронь! Всё, закончили разговор! Молчи и просто жди, пока приедем!

– Сам заткнись, ты мой агент Смит или как?

– Господи, за что мне всё это? – плакался Лука, но судя по его внешности, был он в большом достатке. Что на нём так сказало – трудно понять. Но от его нытья мне становилось не по себе: ещё одна жалкая жопа, которой что-то не нравится в её жизни, хотя, судя по всему, она купалась в роскоши чуть более чем полностью. Отправить бы его на угольную шахту. Как бы он там запел, интересно?

Я всё ждал, пока мы доедем. Водитель постоянно нарушал, чтобы доставить нас вовремя (да и кто в Москве не нарушает правила движения, покажите мне этого святого,

словно неподкупный чиновник, человека), но ехали мы всё равно медленно. В машине я обнаружил мини-бар, откуда сразу же достал бутылочку виски.

– Куда полез?! – заметив этот факт, закричал Лука, пытаюсь выхватить из моих рук заветную бутылку, но я уже успел присосаться к ней и сделать пару больших, вздохнув, чтобы побольше ударило в голову, глотков. Пока он тянул к себе бутылку, я пролил часть на свои джинсы и в салоне.

– Ну ты, конечно, придурок, – проглотив остатки, произнёс я. – Сколько добра пролил, да ещё и меня запачкал!

– Вот тебя хлебом не корми, а дай выжрать только! – жаловался Лука снова.

– Да! И побольше, а то я еду в такую компанию, мне нужна смелость.

– Я прошу тебя, Сергей, посиди спокойно и не пей. Подумай о том, что будешь говорить про свою книгу.

– А что про неё говорить? – здесь я призадумался над своими словами, которые произнёс раньше обдумывания их (впрочем, многие люди так и живут, что очень портит им жизнь; например, я так и живу).

– А вот что, правда? А? Что ты можешь про неё сказать? – зацепившись за мою слабость, стал ёрничать Лука.

– Да ты как будто читал её! Я могу сейчас выдумать всё, что моей душе угодно, а ты даже и знать не будешь, о том ли я говорю!

– Моя работа заключается не в том, чтобы твои книжки

читать.

– А в чём вообще заключается твоя работа? Ты вообще за что деньги получаешь и от кого?

– О-о-о-о, кажется, потом нам нужно будет в клинику, обследоваться у врача.

– Вот и не критикуй тогда, залупа павлинья, – тут мне в голову плеснул алкоголь, поэтому я был очень раскрепощён и щедр на ругательства; в этот момент я достал телефон и стал набирать номер.

– Мы вроде бы договорились, что...

– Так, заткнись, Смит. Я звоню родителям, – раздалась гудки, и через пару секунд мама подняла трубку. – Мам, привет. У вас там как дела?

– Да всё хорошо, сынок, – скучающим, как всегда, голосом произнесла мама. – Вот, в аэропорту, ждём рейса.

– В аэропорту? Погоди, я что-то пропустил? Вы куда собрались-то?

– Как куда? Мы же в Швейцарию летим отдохнуть. Забыл совсем что ли? С твоими книжками и не удивительно, мозги совершенно набекрень съедут.

Меня охватил шок. Родители никогда бы в жизни не смогли позволить себе выбраться из России, а уж тем более в Швейцарию. Причин было две: сраная телевизионная пропаганда, которую они черпали половниками и просили добавки, и отсутствие денег. Кажется, мир совсем перевернулся, а мне всё ещё нужен был пистолет, чтобы застрелить Луку.

– Я перезвоню потом, мам.

– Хорошо. Удачи на презентации книги. Как-никак, много людей наблюдать будет.

Сбросил звонок, уставился в потолок и обдумывал всё то безобразие, что творилось в этом чёртовом мире. Мне не хватало двух вещей сейчас: пистолета (опять же, только я не был уверен, что не хочу пустить пулю и себе в лоб тоже) и бутылки виски, дабы упиться насмерть и проснуться в своей залитой вином комнате, где мой носок опять, по старинке, прилип бы к полу. Но всё, пока что, шло не по плану.

Через какое-то время мы всё-таки доехали до заветного места, в котором я хоть и бывал, но довольно редко: меня пугали большие книжные магазины то ли из-за их цен, которые я сам себе и придумывал, то ли ещё из-за чего-то. Лука побежал внутрь, как оголтелый, а я спокойно следовал за этим придурком, оглядывая всё своим полупьяным взором.

Внутри растянулись большие залы с полками, доверху забитыми книгами разного сорта, но это не могло меня удивить, потому как я давно привык к большому выбору в сортах говна. Нет, самым интересным фокусом явилось то, что возле входа, на стенде с надписью «Мировые бестселлеры» лежали книги, автором которых являлся Сергеев С.С.. Среди них лежала и «Космическая вафля». Не успел я зайти, как ко мне подбежали пару молодых ребят с просьбой поставить автограф на их экземплярах моих книг.

– Да не вопрос, – ответил я, уверенно схватив ручку у од-

ного из них, словно когда-то раньше приходилось подписывать хоть что-то, что не вгоняет тебя в очередное рабство, состоящее из обязательств и долгов. – Как тебя зовут?

– Идём, – Лука резко дёрнул меня за руку, ручка выпала, а я пошатнулся в нужную сторону, – нас уже ждут.

– Как некультурно с твоей стороны... – бурчал я.

В зале и рядом с ним собралось много людей: около пятидесяти, но я мог и ошибаться. На входе стоял охранник, так что могло вполне быть так, что сюда пускали только по приглашениям, которые богатенькие прохвосты смогли-таки ухватить. Среди всех было человек пятнадцать в возрасте – они-то, судя по всему, и были теми самыми сраными критиками. Кто-то в толпе разговаривал на английском, что удивило меня. Были даже камеры, чего я уж точно не мог ожидать. А остальной контингент состоял из более молодого люда, но чуть старше меня.

– Здравсьте, – прошептал я, с официозным видом присаживаясь туда, куда притянул меня Лука. Теперь же я сидел в ожидании чего-то такого, чего я и ожидать не мог в принципе. Мне очень нужны были пистолет и виски (ударение – по усмотрению читателя).

– Итак, здравствуйте, уважаемые друзья! – громко и с пафосом обратился Лука к публике. – Мы рады вас приветствовать на нашей презентации книги «Космическая вафля», написанной нашим глубокоуважаемым господином Сергеевым, – в зале раздались аплодисменты. – Давайте же

начнём. Сергей Сергеевич, вам слово.

В данной ситуации я мог бы написать диссертацию на тему «Э-э-э-э», но никак не рассказать что-то внятное этой дурацкой публике, часть которой с упоением, другая с готовностью уничтожить за каждое моё неверное слово смотрела в ожидании шоу.

– Вы знаете, – начал я, ибо был словоблудом редкостным, ведь иначе писателем не стать, – книга далась мне не так просто, как показалось бы на первый взгляд. Да, я в ней использую очень много похабщины и нецензурной брани, приправленных откровенными и, порой, мерзкими сценами из реальной жизни, но такова уж она и есть, друзья, и прятать её за фантазиями и красивой лексикой, на мой скромный взгляд, было бы не совсем уместно. Что же касается выражения моих мыслей, то я всегда был за прямое и точное их описание без всякого символизма и без, уж не дай Бог, скромности в выражениях, потому-то она кому-то может показаться вполне затягивающей, а кому-то – отвратительной. И тот, и другой взгляд я могу понять, но чувство отвращения, знаете ли, у меня слегка притупилось в последнее время, потому могу порекомендовать мои книги подросткам и молодым людям до моего возраста, – в зале возник гул, и послышались разные мнения на этот счёт: от стариков, в основном, негативные. – Позвольте объяснить: я выражаю это пожелание исключительно для того, что людям постарше уже не так интересны подобные «потрясения» в литературном жанре, ибо

они считают это всё профанацией и ерундой, которая к жизни не имеет никакого значения (а она имеет, будьте уверены; если вам хочется сказок почитать всяких, то раздел любовных романов всегда открыт), – здесь молодёжь поддержала меня одобрительным хохотом, – а ведь для молодых людей это способ узнать что-то максимально кратко, интересно и неординарно для литературы. Потому я...

– То есть вы, – перебила меня старая толстая тётка со смешным оперным голосом, – считаете, что показывать подросткам постельные сцены, да ещё и с такой детализацией в своих книгах – это нормально?

– Э-эм, ну да, как бы, вы попробуйте найти в наше время подростков, которые бы не трахались или, хотя бы, не смотрели порнуху, – видели бы вы лицо этой кошёлки, когда она услышала мой ответ: шокированное, но тем и прекрасное. У стариков рядом было что-то похожее, и лишь один дед сидел, молча и грустно кивал головой. – Более того, чем больше вы ставите табу на что-то, тем более молодёжь тянется ко всему этому; они же любят бунт и ломать запреты с правилами на пару. Сегодня вы запрещаете им узнавать про секс и все его разновидности, а завтра они уже стирают сперму с задницы вашей четырнадцатилетней (ещё не самый худший случай) дочери, – и снова гул в зале; Лука смотрел на меня злобно, но от этого мне становилось ещё приятнее говорить подобные вещи.

– Сергей Сергеевич, – спросила девушка из зала, ещё не

отойдя от краски на щеках (видать, задел за живую тему), – а почему вы назвали книгу «Космическая вафля»? Ведь ни темы космоса, ни темы выпечки там не затрагивалось.

– Хороший вопрос, милочка, – продолжил я, закинув ногу на ногу, взяв в руки ручку и «закурив» её (это было моё хобби). – Вы знаете, изначально я вкладывал в название тот самый смысл, что эта книга – редкостный кусок дерьма, – тут из зала стали выходить сидящие на стульях «старики», но их место тут же заняла молодая гвардия, – но потом, как оказалось, темы вафель там затрагиваются в постельных сценах, да и женскую выпечку я описал довольно неплохо, я думаю. Можно даже сказать, космически.

Чересчур разодетые и выпендрёжные молодые люди начали аплодировать, и их даже подхватили их более скромные сверстники, но это продолжалось недолго.

– Сергей Сергеевич, – ещё один молодой парень, старики, видать, уж совсем разочаровались во мне, – а как вы относитесь к алкоголю?

– Отношусь крайне отрицательно, но люблю безумно.

– То есть, на ваш взгляд, пропагандировать такие вещи в молодёжной среде – это нормально?

– Я бы не сказал, что это нормально, но, с другой стороны, не я устанавливаю цены на литр пива так, что он стоит меньше литра молока. Не я пропагандирую из каждого угла беспорядочный секс (хотя и его я тоже пропагандирую, но тем не менее) – мне не нужна демография этой или иной

страны, чтобы потом использовать её либо как дешёвую рабочую силу, либо как пушечное мясо на войнах в своих корыстных целях. Мои слова толкают схожие идеи, но я же вам и говорю, что не сделает такая жизнь вас счастливыми. Да, ты потрахался с кем-то раз, потом два, потом три и так далее. Потом захочешь похвастаться перед кем-то, а это – чья-то будущая жена, а, быть может, и твоя, которая крутилась на чьём-то члене очень рьяно и порывисто. Но что тебе это дало? Набил ли ты себе цену? Нет, скорее наоборот. Набила ли она себе цену? Тоже нет, и тоже наоборот даже. Получили удовольствие? Да, ну и что? А если вы были бухие, не смогли или не успели купить резину, так что же дальше? А дальше семьи без отцов, дальше несчастные дети, несчастные их родители и несчастные все мы, в конце концов, а виновата эта ваша наигранная крутость и желание подняться выше, завалив как можно больше баб, хотя, как я уже сказал, лучше в глазах других вас это не делает. По ряду причин, одна из которых зависть. Из-за этого же я и предпочитаю писать про тех людей, которые пьют в одиночку и вешаются, чем про тех, которые пьют в компании и портят чью-то жизнь вместо того, чтобы испортить только свою. Такие вот пироги с котятками...

– Ладно, мне кажется, на сегодня достаточно вопросов, – прервал резко Лука с наигранной улыбкой. – Теперь же можете подойти и подписать свои экземпляры у всемирно известного писателя Сергеева.

В моей голове будто раздался разряд молнии, меня пере-
дёрнуло, и взгляд мой потух. Ко мне подходили люди с кни-
гами, я чёркал им что-то там на обложках (опять же, это да-
же не был моей подписью), а когда они все закончились, я
поднялся из-за стола и пошёл на выход. Там меня ждали ещё
люди с «Космическими вафлями», но Лука быстро провёл
меня в машину, сел сам, и мы отправились восвояси.

– Я не знаю, как на это реагировать! – кричал он. – Это то
ли провал, то ли оглушительный успех! Я вообще не ебу, что
будет дальше с твоей карьерой, но такое выступление точно
наделает много шума! Ты просто гений рекламы, Серёга!

– Дай пистолет, я застрелюсь. Тебя не трону, обещаю.

– Ха-ха, нет уж, мы станем очень богаты, ещё богаче, чем
раньше! У нас будет всё, а ты хочешь застрелиться в такой
важный момент нашей... вернее, твоей жизни. Нет уж, ни за
что!

– Тогда отдай хотя бы бутылку, – хмуро и очень печально
протянул мой голос.

– Да на, хоть двести таких, – улыбался Лука, смеясь, как
настоящий психопат.

Я молча ехал всю дорогу до дома, то и дело потягивая из
бутылки. Нет, вру, попросил остановиться возле кафе, что-
бы зайти поссать. А далее всё, тишина, которой мне так не
хватало. Я, кажется, хорошо справился с этой фигнёй, но что
дальше? Мне срочно нужно было выпить, вот уже который
раз, дабы понять, что делать потом. Когда мы приехали до-

мой, Лука проводил меня до моей квартиры, а потом резко исчез. Я же бросился к сраной тетрадке, что устроила весь этот цирк сегодня. Чувства у меня были смешанные: то ли я обрадовался упавшему на голову успеху и исполнению моей мечты, то ли был уже совсем не в своей тарелке. И вообще, быть может, это всё Жора устроил? Я так и знал, что этот гад не от мира сего. Надеюсь, я не успел продать ему свою душу, но если даже и так, то цена хотя бы не была слишком уж низкой.

Харон внизу, время ожидания – 3 минуты

Настигла идея позвонить единственному человеку, который меня всегда понимал и был рад видеть – Анюте. Возня в телефоне превратилась в забавную игру, ведь быть мертвецки пьяным не только проклятие. Найдя кое-как её номер – а до этого я стал набирать какой-то там Алине, и даже не знаю, кто это – мигом нажал на вызов, и через пару секунд послышался её не очень красивый и выразительный, но такой желанный голос.

– Да, Серёж?

– Анют, я в жопе! – мой язык слегка заплетался.

– Неудачный день? – ухмыльнулась она, это было слышно.

– Неудачная жизнь. Давай встретимся, мне очень нужно.

– Ладно, я как раз сейчас заканчиваю с работой. Где встретимся?

– Приезжай ко мне, я не в самом трезвом состоянии сейчас, и боюсь сбить по дороге.

– Настолько всё плохо? – засмеялась она.

– Да, этот мир не даёт посмотреть на себя даже в половину глаза – тошнить начинает тут же.

– У-у-у-ух, ехать к тебе в ебень, конечно, не самая лучшая идея, но чего не сделаешь ради друга. Возьму себе выпить,

чтобы быть с тобой в одной кондиции.

– Я бы не советовал даже приближаться к ней.

– Ладно, скоро буду, – по меркам Москвы и Подмоскovie скоро означало в пределах полутора-двух часов, так что у меня было время откиснуть.

Я принялся набирать в пустую пластиковую бутылку воды из крана, после чего залпом выпивал до дна. Так пару раз, и вот я уже сидел у керамики, изливая этому миру всё, что о нём думал. Повторив эту процедуру ещё, я почувствовал себя немного лучше. На кухне нашёл пачку угля (активированного, слава Богу, а не демо-версии), закинул в рот столько, сколько вместилось, и жевал всю эту кашу долго-долго. Внезапный звонок с незнакомого номера.

– М? – с набитым ртом промычал я.

– Это Лука, – послышался этот мерзкий представительный голос с того конца, – ты ещё помнишь меня?

– К софалениэ, – я продолжал жевать уголь, и чёрная слюна капнула на пол, образовав новое пятно внизу.

– Отлично. Так, Сергей, у нас завтра будет литературный вечер, где собираются знаменитые писатели, а также те, кто только стремится стать таковыми. Перспективные ребята, знаешь ли.

– Ждорова, – после этих слов пришлось проглотить всё месиво.

– Не нажирайся завтра, умоляю. Возможно, сможешь организовать какой-нибудь успешный дуэт. Напишешь книгу

с кем-то из нынешних известных ребят, создадите шедевр, так сказать.

– Нахуй мне это нужно? – взял бутылку и допил остатки воды из неё. – Я работаю один.

– Да не горячись ты. Завтра, на трезвую голову, тебе наверняка покажется это не такой уж и плохой идеей.

– Эти уроды работают ради денег, а я работаю ради того, чтобы задницу было чем подтирать порядочным людям, ну или стол хотя бы подпереть.

– Так, всё, хватит оскорблять коллег, – Лука становился всё злее. – Кстати, звонили из издательства, спрашивали, когда выйдет твоя новая книга. И пожелали чего-то из разряда боевиков или любовных романов – заходит людям нынче это, знаешь ли.

– В жопу их. И тебя в жопу, понял, Смит? Ты плохой агент, ты не можешь привести матрицу в порядок.

– О-о-ох, Господи. Поговорим завтра, когда ты будешь трезв. Отбой.

Наконец-то он заткнулся, а я мог спокойно сесть за стол и разглядеть тетрадь без одного листа в ней. Казалась обычной хреню в кожаной обложке, и листы обычные, нелинованные. И кожа не с яиц дракона, как мне казалось – проверить я этого не мог, к сожалению; была возможность сравнить только со своей кожей на яйцах, но и тут мимо. Очередной звонок телефона, на этот раз подпись была «Босс».

– Да?

– Сергей, добрый вечер, – до этого я от него никогда не слышал такой вежливости, будь уверен. – Я, конечно, понимаю, что вы можете себе позволить не выходить на работу, но давайте уж будем придерживаться нашего трудового договора, хорошо? Сегодняшний день, так уж и быть, запишем вам в качестве выходного.

– Оплачиваемого? – первый вопрос, возникший из воздуха, тут же поразил этого козла.

– Боюсь, что нет, но...

– Увольняюсь, свяжитесь с моим агентом Смитом. Всё, пока.

Интересный момент, но я не почувствовал никакого страха, присущего любому россиянину в канун потери своей работы. То ли я был настолько пьян, что поверил в окружающий меня сон, то ли просто моя крыша съехала достаточно для того, чтобы творить подобного рода вещи без всяких сомнений. И снова я уставился в тетрадку. Было желание сотворить что-то такое, пока Анюта не приехала. Мне хотелось умереть, закурить (хотя и курить-то я никогда не пробовал – пустая трата денег), завалиться на диван и мечтать, как обычно. В целом, это было моё обычное состояние. В голову пришла идея взглянуть на прекрасное, но порно уже наскучило, поэтому нужно было либо читать книжку (а под алкоголем читать всё равно, что планировать что-то наперёд – завтра придётся всё начинать сначала), либо смотреть на картины, пусть даже в последнем я не понимал абсолютно ничего. Но

теперь, теперь-то было ощущение, что вот тот момент, когда я могу всё осознать. Быстро, размашисто и неряшливо в тетради я очеркнул «Хочу увидеть картину Гюстава Курбе «Происхождение мира» у себя в комнате на стене». Вспомнив все действия, что произвёл после предыдущего раза, я вырвал лист из тетради – жвачки у меня не было, чтобы прикрепить его к стене – взял зажигалку и в туалете отправил проклятый кусок бумаги к праотцам, попутно пытаясь что-то мямлить а-ля читаю заклинания из книги мёртвых магов (последнее я сделал для создания атмосферы мрака и бесовщины, но мне понравилось). После всех этих манипуляций я сделал глубокий вдох, нажал на кнопку спуска воды и отправился в комнату.

– Либо я сошёл с ума, либо сейчас увижу заветную мohnатку на своей стене, – сказал я сам себе, пока медленно шагал в комнату.

Войдя внутрь, обнаружить на стенах что-то новое мне не довелось, да и заветного зрелища, пусть даже и на картине, также не было, поэтому я с облегчением вздохнул, осознав, что попросту сошёл с ума и бояться в такой ситуации нечего, ведь когда происходят самые страшные вещи, которые могли бы произойти (а они обязательно происходят), то начинаешь, в конечном счете, говорить сам себе: «Да и пошло всё нахуй», что и следовало сделать в самом начале ожидания. Я бросился на диван, голова чутка закружилась, и в итоге пришлось уснуть.

Какое-то время спустя мой телефон завибрировал в джинсах. На экране высветился номер Анюты.

– Да? – с тяжёлой головой, едва собирая силы, ответил я.

– И долго мне тут торчать под дверью? Ты вообще дома? – она сердилась не на шутку.

– Ох, блин, я сейчас, – быстро вскочив с кровати, но тут же рухнув на пол, я торопился к двери. Со второй попытки мне удалось дойти до неё, и через мгновение Анюта зашла.

– У тебя всё такой же гадюшник, что и был. Когда же ты уже переедешь? Вроде можешь себе позволить... – с привычной для себя мерзостью заметила она. – Чего не открываешь? Ещё бы минуту, и дверь бы стала ногой открывать.

– У тебя бы получилось, не сомневайся.

– Твой арендодатель хотя бы приезжает сюда?

– Ему достаточно того, что деньги идут вовремя на его счёт. Святой человек.

– А, ладно, пойдём, – она показала бутылку вина, и мы направились на кухню, где я её откупорил (бутылку). – А бокалы есть?

– Только грязные.

– Какой же ты неряха, ужас просто, – она села на стул, я сделал то же самое. – Будем пить из горла.

– Ты одна, я слишком плох.

– Как знаешь, – Анюта сделала пару крепких глотков, которым даже я позавидовал бы. – Итак, что за проблемы там у тебя?

– Мне кажется, – я взял бутылку и чутка отпил, – что я сошёл с ума.

– Зато творчество теперь пойдёт ещё дальше, – усмехнулась она, подразумевая, конечно же, мои книги.

– Стой! – я указал на неё пальцем, и проследовала немая сцена.

– Стою, – ответила Анята после небольшой паузы.

– Ты читала хоть когда-нибудь мои книги? – напористо спросил я.

– Конечно же! Ты – один из величайших писателей всего мира, и чтобы я, твоя лучшая подруга, ни разу не читала ничего из твоего творчества? Ха-ха, ну ты и шутник, – она отпила ещё.

– Так, – я уставился в пол, долго думая о сказанном. – Мы только в субботу сидели же, и я оправдывался перед тобой, почему не даю почитать свои труды, верно?

– Нет, не было такого, – спокойно продолжала Анята.

– Да как так?! – вскрикнул я.

– Приснилось тебе что ли? Или и впрямь кукуха едет...

– Не могло мне это присниться! Скорее я поверю, что моё окружение сейчас – это сон. Я хотел пристрелить своего агента...

– А, Луку что ли? – перебила она.

– Ты его знаешь?! – выпучив глаза, сказал я.

– Ну да, как же его не знать? Я давно тебе говорила, что пора бы этого еврея уволить ко всем чертям, но ты почему-то

всё держишь и держишь его при себе, хотя и сам терпеть не можешь.

Тут я совсем опешил, не в состоянии понять, нужно ли мне бросать пить или наоборот пить больше. Такой ерунды не могло случиться ни в коем случае. Значит это Жора, грёбаный дьявольский бабкин внук, всё устроил мне. Странно было только то, что устроил он мою жизнь, а свою никак не мог. Парадокс, не иначе.

– Анют, в моей жизни был дьявол, уверяю тебя!

– Ага... – с ироничным выражением лица ответила она. – Твой начальник. Я до сих пор не понимаю, почему ты не уволился.

– Сегодня только сказал, что ухожу.

– Прекрасно, – она подняла бутылку, сделав движение в виде тоста, и отпила снова. – Ух, хорошее вино.

– Нет, я не совсем то имел в виду. Понимаешь, я был неудачником, а потом в день стал популярным писателем. Даже сегодня книгу презентовал в «Библио-Глобусе».

– Так я знаю, я на работе смотрела прямой эфир. Ты был на высоте, как всегда, хотя и закончилось всё как-то быстро.

– Послушай, я не был популярным писателем до сегодняшнего дня!

– Ну хватит, – она скривила гримасу, полную отвращения, – а то и впрямь подумаю, что у тебя крыша чуть съехала. Понимаю, для амплуа писателя это, как бы, и здорово.

– А, ну тебя, ничего ты не понимаешь, – прокричал я и

отпил из её бутылки ещё.

– Это все проблемы, что тебя мучали?

– У меня какая-то завтра встреча с писателями, – ощущая себя в безвыходном положении, я стал говорить тихо и неохотно.

– О, чудно! Дела твои идут в гору, так что не нужно придумывать себе всякой ерунды, Серёж. Ты популярен, денег хоть жопой жуй, бабы нет, чтобы мозги выносила (кроме меня, конечно же). Красота, да и только, разве нет?

– Ох, не знаю...

– Не выдумывай ты там себе, с жиру бесишься уже. И да, купи ты уже себе нормальную квартиру, а то живёшь в этом клоповнике. Пол грязный ещё, не убираешься, посуду не моешь. Вещи хотя бы стираешь, я надеюсь?

– По настроению. Не так часто у меня хорошее настроение бывает.

– Вот и найми себе там... кого? Домработницу что ли, – Анята стала ковыряться в телефоне. – Машина через три минуты подъедет, я такси заказала. У меня кот дома голодный, так что, если ты не возражаешь – хотя мне, если честно, насрать – поеду.

– Катись уже отсюда, – грубо, но с любовью, как всегда, ответил я. Мы распрощались в коридоре, она ушла из квартиры, так и не допив до конца вино (она это специально для меня оставила, я-то знаю).

Я притронулся к бутылке, отпил и пошёл с ней в комна-

ту, но, чёрт возьми, жизнь не становится скучнее с каждым днём, если ты вкусил дьявольского вмешательства в неё – на стене в зале висело полотно, на котором чётко вырисовывалась волосатая вульва и часть груди женщины, которая подняла своё платье таким образом, будто ожидая момента, когда ей кто-то засадит. Нет, это переходило все границы дозволенного.

Я собрался и спустился вниз, к аптеке, где стоял у кассы за какой-то бабкой. Последняя заказывала что-то из бесконечно долгого списка, а я уже терял терпение, посапывая и вздыхая за ней в очереди. Через какое-то время, наконец, настал мой черёд, а бабка стояла рядом, сверяя свой чек с покупками.

– Здравствуйте, – произнёс я тихо миленькой дамочке за кассой, – мне бы успокоительного чего-нибудь, чтобы хорошо и быстро подействовало.

– Так, сейчас, – она хотела отходить, поискать что-то, но вдруг остановилась и взгляделась в меня. – Ой, это вы?!

– В последнее время я не совсем уверен, что я – это я.

– Вы Сергеев Сергей? – улыбнулась она, мило осматривая меня снизу вверх.

– Ну да, я.

– Я читала ваши книги! Очень здорово, правда!

– Спасибо. Можно что-то из успокаивающего, пожалуйста?

– Да, да, конечно, – девушка быстро с улыбкой на лице

убежала в сторону, а бабушка начала нагло и с презрением пялиться на меня.

– Вы Сергеев? Писатель? – спросила она.

– Да, я.

– Редкостную херню пишешь, внучок, – бабушка махнула рукой и пошла на выход из аптеки.

– Вот, возьмите, – девушка из-за прилавка протянула мне упаковку таблеток, – пейте по разу в день, не больше. Он, конечно, только с рецептом отпускается, но у вас, видимо, проблемы, так что я...

– Премного благодарен, милочка, – ответил я, засунув упаковку в карман. – Карточкой, пожалуйста.

Когда я прислонил карту к аппарату, и когда прошла операция оплаты, то мне пришла СМСка о списании средств со счёта. Я открыл её и ужаснулся: на остатке счёта оказались суммы, которые я даже не мог прочитать с первого раза. Не помню точно, сколько чисел даже было в целом, но меня это странным и приятным образом испугало, будто я ограбил банк, а мне за это ничего и не было. Секунду спустя я вспомнил, какая херня происходила со мной в жизни, и резко отошёл от состояния шока.

– Спасибо большое.

– Постойте, – девушка окликнула меня, и я повернулся к ней. – Не могли бы вы оставить свой автограф, пожалуйста?

– Да, конечно, давайте книгу.

– Эм-м-м, боюсь, у меня нет книги, – она двинулась ко

входу в свой закуток за прилавком и открыла дверцу, – но есть кое-что ещё. Зайдите, пожалуйста.

Я вошёл, а она достала маркер из одного шкафа, после чего очень быстро покраснела. Мне показалось это странным, но забавным. Она расстегнула верхние пуговицы своего халата, подняла кофточку под ним и обнажила свою небольшую, но прелестную грудь.

– Ух как, – удивился я, но взял маркер и черкнул ей по автографу на каждой из грудей, а после укусил за один из сосков. Она чуть дёрнулась с небольшим писком, но, кажется, ей понравилось. Мы поцеловались, но внезапно я постарался побыстрее покинуть это место, а она стояла в недоумении, как будто я не завершил начатое.

Я не знаю, почему так резко убежал от неё. Может быть, привык, что от многих женщин одни неприятности, а особенно при таком формате знакомства. В любом случае я вернулся домой и увидел на стене то, что должен был увидеть ещё в аптеке.

– *«Происхождение мира» оттуда, туда же мы и стремимся. Может, это как ностальгия по местам, где раньше бывал? А, чёрт, пора закинуться таблетками.*

Я раскрыл упаковку, забросил три таблетки в рот и запил вином. Через какое-то время меня успокоило, а через ещё промежуток скрыло из реальности полностью. Я лежал у моря, слышал прибой и чаек, а вдалеке где-то звонил телефон, но я уже к нему не бежал – всё было так, как нужно.

Запах ярмарки тщеславия-1

И всё же этот гад меня настиг. Я имею в виду телефон, по которому мне пытался дозвониться другой гад. Агент Смит разбудил меня, когда на часах уже было около одиннадцати часов утра; мне очень не хотелось брать телефон, чтобы слушать приказания этого человека-бабы, но что поделать? В этой жизни приходится частенько страдать, слушая всяких идиотов и глупцов. Иногда такие страдания приносят даже разговоры с самим собой.

– Да? – с крайней ленью и ужасным безразличием ответил я.

– Сергей, – крикнул он в трубку, – наконец-то! Матерь Божья, я думал, не смогу дозвониться тебе!

– Лучше бы не смог.

– Ты опять бухал что ли?! Я же просил...

– Я профессиональный писатель, а в этом деле, как в спорте: чтобы оставаться лучшим, нужен допинг.

– Всё, не желаю ничего слушать. В этот раз я всё предусмотрел.

– Предусмотрел? Это как?

– Сейчас подъеду, расскажу, – с хитрым прихихикиванием ответил Лука.

– Твоё счастье, что я под допингом, иначе точно пристрелил бы за подобного рода уловки.

Он бросил трубку, а я тяжело перевалился на другой бок и увидел этот прекрасный и воодушевляющий холст. Кажется, я знал, зачем всё в мире делается. Я набрал Аняте.

– Алё, – громко и небрежно крикнула она под клацанье клавиатуры.

– Я в жопе, Анят, – обозначил я.

– Опять приехали. Да что не так-то?

– Я был прав, со мной связался дьявол, и теперь у меня есть что-то вроде лампы джина, только круче.

– Чего? Ты опять в пьяном угаре?! – всё кричала она. – Послушай, мне некогда слушать твою ерунду, поэтому давай, фигнёй не страдай там.

– Я не страдаю! Честно! Я докажу тебе. Что тебе нужно, Анят?

– Найди мне нормального мужика, – засмеялась она. – Вот уж без чудес с этой задачей не справиться.

– Окей, вот увидишь, скоро он появится.

Мы закончили беседу, после чего я вскочил с дивана, написал на листе «Хочу, чтобы Анята завела отношения с нормальным мужиком», вырвал его из тетради и сжёг в туалете, отправив пепел к предыдущим невезунчикам.

Через пару минут стук в дверь заставил меня напрячься, ведь на пороге уже стоял Лука, а что он задумал, для меня оставалось загадкой. Пришлось открывать.

– Ты ещё не одет? – прямо со входа начал он. – Сколько же тебе повторять, что нужно быть уже готовым к выходу,

когда я подъезжаю. А, ладно, одевайся.

– Я жрать хочу, отвянь. Мне нужно позавтракать, – почесав свою задницу, которая, как мне казалась, чертовски круто выглядела в моих трусах, я двинулся на кухню в поисках еды, но не нашёл ничего. В холодильнике пусто, в шкафах одно бухло, вернее, остатки от него.

– Даже не вздумай пить, а уж тем более натошак! – крикнул Лука, забежав в кухню.

– То есть выпить всё же можно? – усмехнулся я, выходя в комнату. Агент всё преследовал меня.

– Нет, нельзя! Мы позавтракаем в другом месте, нормально поедим, как цивилизованные люди, а не заварим «Дошик», как ты это привык делать.

– Эй! Ты за кого меня принимаешь?! Я не жру «Дошки»! – пришлось оторваться от поисков одежды в шкафу и показать пальцем на этого придурка, который обвинял меня в некачественном питании. – Это вредно для здоровья.

– А бухать напропалую – не вредно?

– Вино полезно для здоровья.

– Да, но не когда пьёшь его бутылками, – он нанёс мне контрудар, от которого я не смог оправиться.

– Ты ничего не понимаешь, всё. Не действуй на нервы, – я продолжил одеваться, и через пару минут уже был готов.

– Матерь Божья, ну и картина, – наконец Лука обратил внимание на что-то важное в этом мире.

– Нравится?

– Я привык, что дамы бреют свои... свои... тела. Но чтобы вот такой куст отращивать... на мой взгляд, это немного диковато.

– Японки, обычно, не бреют свои писи, но каковы на личико! Загляденье. Как я выгляжу?

– Как чёрт, – с угрюмой миной ответил мне Лука.

– Отлично! Идём, поедим, – с улыбкой я схватил тетрадь и стал выходить из квартиры, Лука последовал за мной.

– Зачем тебе эта тетрадь? – поинтересовался он.

– Мало ли что, я же писатель, – ответил я, тратя время на поиски нужного ключа, чтобы закрыть квартиру.

– Эту конуру никто грабить не будет, так что можешь не закрывать.

– Картину видел? Ну, вот и нечего мне тут, – сказал я, словно отрезал. – Пойдём. Я голоден, как волк.

– Слишком обычное сравнение для писателя, не находишь? – Лука всё пытался подколоть меня.

– Конечно, я потому и бухаю, когда пишу. И когда не пишу, тоже, – на этот раз мой контрудар провёл Смита лицом по батарее, так что и ответить ему было нечего.

Внизу нас ждала всё та же дорогущая машина, в которую мы сели, как в прошлый раз. Водитель был уже другой, и меня заинтересовал один вопрос.

– Водитель, у тебя пистолет есть? – знакомства начинаю я странно, это было заметно и по вчерашнему инциденту в аптеке.

– Есть, – ответил он.

– Чудно. Если что, мне он может понадобится, чтобы пристрелить моего агента Смита, – водитель засмеялся над моей шуткой, а я даже не пытался шутить, так что было неловко.

– А ну жми на педаль, бездельник, – крикнул на водителя Лука, и мы тронулись.

– Вот как такого терпеть можно? Нет, легче застрелить, порой кажется мне. Я как Нео: спасаю мир от говнюка Смита, но он всё уклоняется от моих пуль, – довёл беседу до логической точки я.

Всю дорогу Лука что-то пердел себе под нос, а из приёмника доносилась модная на сегодняшний день музыка. Что-то там про очередные отношения на одну ночь, навеянные пьяным состоянием и похотливым образом мачо исполнителя. Об этом я и говорил на презентации: сначала пихают подобной дрянью население, а потом хотят от... стоп. А чего, всё правильно, согласно планам нашего любимого вонючего правительства (меня, скорее всего, оштрафуют за эти слова, ведь это пиздеж, и правительство регулярно моется за счёт бюджета страны; пусть сосут жопу (оскорбление привилегированного класса, ПОЛИЦИЯ АЛЁ), мне поебать): нажрался где-то там в злачном месте, трахнул кого попало и ОПА – демография растёт, цифры есть, победа, царь доволен. Количество есть, как быть с качеством мало кого волнует. Можно ещё было бы придрататься к музыкальной составляющей,

где даже сопровождение пишет отшибленный наглухо психопат, у которого так же, к сожалению, фантазия ограничена, и приходится слушать одну и ту же хуйню изо дня в день.

Мы подъехали аккуратно в центр Москвы, и машина остановилась возле отеля «Four Seasons». Меня этот факт удивил, а Лука с довольным видом вытянул свой зад из машины.

– Приехали, – с радостной рожей проговорил этот чёрт, – здесь и перекусим. Как раз недалеко от места встречи.

– А какое у нас место встречи? – поинтересовался я, вывалившись из машины.

– Отель «Four Seasons».

– Я гляжу, денег у кого-то жопой жуй, – с недовольным видом сказал я, – встречи писателей проводить в таких местах. Это и впрямь литературная встреча?

– Задумывалась как таковая, но что там будет дальше – посмотрим.

– Тоже мне, блять. Как будто на встречу с олигархами приехал. Я уже тебя ненавижу, Смит.

– Ты просто голоден, – улыбнувшись, Лука пошёл в ресторан Goodman, что был прямо в здании отеля, – сейчас поешь, расслабишься, и всё будет великолепно.

Мы сели за столик, и к нам тотчас подбежал смазливый официант, который играл вид послушной собачонки. Всё здесь раздражало своим официозом, а когда я взглянул на меню и цены, то меня едва приступ не схватил.

– Я, пожалуй, возьму, – эвона как может этот подхалим

Лука, монокля и цилиндра только не хватало, – стейк Рибай, картофельное пюре с блю-чиз, грибной соус, салат с креветками и осьминогами и стаканчик фрэша.

Не знаю, как это работает, но от такого заказа я аж закашлялся, и мне стало не по себе: набор из сочетания нормальных слов с хер пойми чем, и при этом за то самое «хер пойми что» нужно было доплачивать кругленькую сумму.

– Так, – смазливо и как-то ужасно присюсюкивая говорил официант, – у вас всё, я так понимаю?

– Пока что да, – ответил Смит.

– Ваш заказ, господин Сергеев? – этот официант, назовём его Пэдуард (на бейджике было написано Алексей, но в наше время верить никому и ничему нельзя), переключил свой прислужливый взгляд на меня, и в животе закрутило от омерзенья.

– Я в туалет, – сказал я, резко поднявшись с диванчика и побежав.

– Но он в другой стороне, – крикнул Пэдуард вдогонку.

– Я знаю, – ответил я и вышел нахуй из этого злосчастливого места.

Ноги перешли на бег (за что им отдельное спасибо) инесли меня куда-то подальше от всей этой мерзости. Пробежав через Воскресенские ворота, я вбежал на Никольскую улицу в поисках нормального места, где можно было бы перекусить без подобных цен, официантов, жаждущих полового сношения с тобой, и прочей гадости. Мне попадались раз-

личные названия кафе, из которых я нормально смог прочитать только «Вареничная №1», но я подумал, что это концерт Imagine Dragons, и потому пробежал дальше. В кармане звонил телефон, но я не брал, зная, что это агент Смит, и что мне нужно ненадолго выбраться из матрицы хотя бы перекурить. Парадокс был в том, что для освобождения из матрицы нужно было не брать трубку.

Наконец мои ноги притянули меня в знакомое место – KFC. Оно, как всегда, было забито кучей народа, которым было наплевать на тебя из-за наслаждения собственным тщеславием или попросту за неимением времени. Меня это устроило более чем, я стал в очередь и ждал, отключив звук на телефоне. Поначалу всё шло более чем гладко, но затем я случайно наступил на пятку (в этом деле я умелец) впереди стоящему молодому пацану, за что тот меня хотел убить.

– Прошу прощения, – приложив руку к груди для придания образа моего глубочайшего сердечного сожаления о содеянном, я томно и с болью во взгляде произнёс бедному парню, который, видать, целое состояние просадил на свои кроссовки. Ещё бы, а потом какой-то бомжевидный чел наступает на них – кто бы тут стерпел?

Тот знатно и громко цокнул, да так, чтобы глупый я осознал всю степень его великодушия, раз он меня прощает практически за смертный грех. Я слышал, скоро введут закон, разрешающий убивать людей за их несанкционированное прикосновение к модной брендовой одежде. Это, быть

может, и слухи, но в такое время чему только ни поверишь. Парень отвернулся, но, подумав пару секунд, обернулся ещё раз, и стал смотреть уже совсем иначе, словно видит перед собой заветные сиськи, на которые дробил с начала своего полового созревания. У меня, по крайней мере, был бы идентичный взгляд, будьте уверены, но с одним условием: эти сиськи должны были остановиться во времени и не стареть. В целом мне пришлось убедиться в том, что в мире нет ничего невозможного, но лишь когда чудеса случаются. В остальных же случаях приходится считаться с ограничениями и жесткостью жизни.

– Вы Сергеев? Писатель, – радостно воскликнул этот парень, закатив глаза, словно подвороты на своих штанах.

– Да, я, – мне это прельстило, хотелось выпить.

– Да ну нахер! – крикнул он ещё раз, и люди стали оборачиваться. – Охереть, – он ругался напоказ (что и свойственно юношам в его возрасте), дабы обратить на себя внимание, – сам Сергеев со мной в одном ресторане. Как вас сюда занесло? – взгляд его был восхищён.

– Жрать хочу, как и все тут сидящие.

– Ха-ха! Вот умеете вы метко сказать, да, – всё не успокаивался он. – Проходите вперёд.

– Нет уж, очередь для меня святое, как для грёбанных англичан.

– Он ещё и сама скромность, – слышалось шушуканье где-то сбоку.

– Да чего вы? Ну, ладно, – парень забросил эту дурацкую идею. – Нет, ну это просто пиздец!

– Ты бы не ругался так громко, дети рядом, – упрекнул его я.

– Ой, извините, простите, – извинялся же он, конечно, не перед детьми и их родителями, а передо мной, словно я ему был отец или что-то вроде того, но в те годы я ещё и сам был мал, так что познакомиться с его мамой мог бы только на словах. – Я просто идиот.

– Как и немножечко все мы, – заметил я.

– Вы прямо ходячий сборник цитат, Сергей Сергеевич! – заметила пухлая барышня рядышком. – А не могли бы подписать мою книгу?

Она дала мне экземпляр, я черканул, и её трепету не было предела. Люди стали пялиться со всех сторон, а мне стало неловко.

– Расскажите о ваших планах, – поинтересовался какой-то мужик, специально привставший из-за своего стола (попробуй его сдвинуть в обычный день – нет, он, скорее, убьёт тебя).

– Хотел поесть, а потом застрелиться, – буркнул я. – Не с пустым же желудком идти на тот свет, а то в Аду кто кормить тебя будет?

– Ха-ха-ха, – донёсся гул со всех сторон.

– Сергей Сергеевич, а не могли бы вы прийти к моему другу на день рождения? – начала какая-то молоденькая де-

вочка. – Он ваш большой фанат.

– Передайте ему мои соболезнования, – заметил я с комом в горле. Мне было не по себе, и хотелось уже побыстрее взять свой заказ да свалить куда-то подальше.

– Сергей Сергеич, – начала тётка лет тридцати, – а можно с вами сфотографироваться?

– Можно, но аккуратно – я достаточно трезв, чтобы ненавидеть все направленные на меня камеры, – а камер этих появлялось всё больше, и люди стягивались всё ближе, чтобы сделать селфи или просто сфотографировать мою отвратительную рожу. Постоянно рыская на просторах сети, пришлось осознать одну вещь: что бы я там ни видел, какие бы счастливые и довольные рожи там ни красовались – всё это было лишь выдумкой и враньём, ведь объективы камер менают людей до неузнаваемости. Оттого я и пытался держаться от тех самых объективов как можно дальше

Подошла моя очередь к кассе, я восхвалял небеса в своей голове, но, видать, зря.

– Сергей Сергеевич! – завопил кассир. – Не может быть!

– Господи, дайте мне что-нибудь уже поесть, да побыстрее!

– Да, да, конечно! Вам здесь или с собой?

– Здесь мне вряд ли дадут поесть, поэтому с собой заверните что-нибудь: какую-нибудь хрень в лепёшке с сыром, курицу – всё равно что – и попить ко всему этому.

– Да, конечно! Одну минуту, – кассир убежал, крича сво-

им товарищам о том, что «Охереть, сам Сергеев пришёл в ресторан! Видели?». Нужно отдать ему должное, заказ собрал он быстро. – Пожалуйста, Сергей Сергеевич.

– Дайте ещё один пакет, пожалуйста! – крикнул ему я.

– Да, да, вот, конечно, возьмите.

– Спасибо! До свидания.

– Сергей Сергеевич, а вы... – я уже не слушал и ринулся к выходу. Повсюду звучало моё имя, на меня смотрели много людей, но я в тот момент любил тех, что предпочли мне горячую курочку в панировке.

Наконец я вышел на улицу, после чего решил спрятаться где-то в переулке. Проделав во втором пакете дырки для глаз и оторвав ещё часть для рта, я надел его на голову, лишь бы меня не отвлекали от заветной жрачки. Но так уж получилось, что и насладиться в полной мере едой у меня не получилось – я обдумывал случившееся со мной в попытках поесть. Мысли были разные, и я даже стал задумываться, что для меня было противнее: сидеть в дорогом ресторане со Смитом и Пэдуардом, готовыми мне хоть жопу поцеловать, лишь бы им деньги давал, или стоять в толпе фанатевших от меня людей, которые ни пройти, ни поесть мне не давали (стало понятно, почему знаменитые люди едят в дорогих местах). В первом случае я сидел в обществе лицемеров и моральных уродов, которые готовы были терпеть все мои капризы ровно до тех пор, пока на счету у меня была кругленькая сумма денег, так что там я мог диктовать свои условия.

Во втором же случае люди пытались обратить на себя внимание хоть чем-то, о чём-то меня попросить и так далее, со всем забывая о моей личной жизни: я должен бросить всё, все свои планы и идти на день рождения чьей-то там подружки, поцеловать в губы чью-то жену, написать лично в соц. сетях какому-то абсолютно незнакомому мне человеку «Эй, ты классный», потому что у него депрессия. И в обычном случае я сделал бы это, но тут нужно либо бросить всё и открывать своё общество благотворительности, либо попросту отказывать всем, дабы не обидеть своей выборочностью, но обидеть своим отказом. Как всё это было странно: когда я был обычным человеком, никто с такими просьбами ко мне в жизни не подошёл бы, потому что «хер его знает, кто это». Но когда ты известен, то тебе предлагают сделать что-то для кого-то, а ты задаёшься вопросом «хер его знает, кто это», то, почему-то, это становится обидным. Двойные стандарты общества, в жопу его.

Идиотским мне показалось и то, что люди считали чуть ли не каждое слово, исходявшее из моих уст, шедевром, и я мог говорить всё, что угодно, а те под давлением авторитета согласились бы как миленькие. Конечно, если не затрагивать табуированные темы, всем миром признанные дрянью и гадостью. В любом случае, это был неприятный опыт, захотелось выпить и расслабиться, но в кармане уже сотый раз звонил телефон. Я доел, облизал пальцы и поднял трубку.

– Да?

– Да что же ты творишь такое?! – кричал Лука.

– Мне стало плохо. И сейчас мне плохо. И вечером, кажется, всё будет только хуже, Смит. Я больше не писатель, а постер и мешок денег!

– О Матерь Божья... не носи ерунды, Сергей. Ты где сейчас?

– Я на Никольской, жру курочку из КиЭфСи.

– Отлично! Жди там, я скоро подойду.

Я вышел на Никольскую улицу, нашёл свободное место на скамейке и стал ждать. Люди смотрели на меня и фотографировали, потому что у меня был пакет на голове, но это было всяко лучше, чем по причине видения во мне знаменитости и богача. Всё было паршиво, но это было лишь начало дня.

Запах ярмарки тщеславия-2

Я всё сидел, посматривая на эту дьявольскую тетрадь, обдумывая возможности её применения, а время всё шло. Трудно сказать, что сделал бы среднестатистический человек на моём месте, будь у него в руках ключ от вселенной, которую он может либо открыть и выпустить на волю, либо закрыть ко всем чертям и наслаждаться её истерикой там, за закрытой дверью. Мне казалось, что я ещё поступил достаточно безобидно, а попади она в руки какому-нибудь джихадисту, то давно бы носил паранджу, совершал намаз и ещё чего. Мировой порядок – штука капризная и, я бы даже сказал, абстрактная; помимо этого смешно смотреть на попытки навязывания своих принципов в другой части мира, поэтому мне также не хотелось, чтобы книга попала какому-нибудь патриоту своей страны, который тут же навязал бы чьё-то господство на планете, будь то американское, китайское или российское. Мне всё равно, под чьим гнётом жить, лишь бы давали писать и думать самому, и пока что наше «свободное» общество идёт семимильными шагами в «Происхождение мира» Гюстава Курбе, где вряд ли тебя будут спрашивать о чём-то. Поэтому я наслаждался свободой слова и пока ещё существующей свободой мысли, и всё шло своим чередом. Менять это я не торопился, ведь можно много спорить о лекарстве для этого сумасшедшего мира, только вот хорошо

продуманного лекарства, без побочных эффектов или хотя бы с минимальными последствиями для больного, ещё нет даже в теории, не говоря уже о практике. Поэтому я шлю в жопу всех советчиков по мироустройству.

Через минут пятнадцать прибежал Лука, который сразу же узнал меня под пакетом. Мне инстинктивно захотелось убежать, и я даже привстал для этого, но чёрта с два, он меня и в Аду найдёт, ведь сам появился оттуда.

– Ты что напялил на себя? – удивлённо спросил он. – Пакет из КиЭфСи?

– А ты прозорливый. На «Битву Экстрасенсов» не хотел бы сходить? И денег тебе хватит, чтобы в финал пройти.

– Зачем ты надел пакет на голову? – в гневе он сорвал с меня этот бумажный доспех, защищающий меня от лучей славы, от которых я, словно вампир, таял вмиг.

– Приходится прятаться от своей известности, чтобы попросту пожрать. Это так непросто.

– Поэтому я тебя и привёл в нормальное место, чтобы мы поели спокойно и без шума, а ты убежал как маленький ребёнок, которому предлагают поесть нормальную еду, а он вместо этого бежит в ближайший МакДоналдс.

– Я прибежал в КиЭфСи, и это важно!

– Да какая к чёрту разница? Там могли бы обсудить наши дела, – на нас начали посматривать люди, некоторые из которых снова достали камеры. В голове пронеслась фраза из одной знаменитой игры: «Ah shit, here we go again».

– Там был Пэдуард, а с ним можно обсуждать только анальные смазки да гели для губ! – тонко подметил я, вспоминая смазливую рожу официанта.

– Кто?

– Не важно. Что у нас дальше по плану?

– Пойдём, – Лука засеменял куда-то в сторону, и я шёл за ним. – Нам нужно пройти по магазинам.

– На кой хер?

– Тебе нужно купить новую одежду, подходящую для такой встречи, а эти тряпки давно пора выкинуть на помойку, потому что ты так больше походишь на бомжа, чем на писателя.

– Зачастую писатели и есть бомжи, и от этого их слог только лучше.

– Тебе не подходит это по статусу, Сергей, поэтому мы сейчас зайдём в магазин и возьмём тебе что-нибудь из нормальной одежды.

Этот говнюк привёл меня в ГУМ, от чего мои колени слегка начали трястись. Да, я понимал, что денег у меня не так мало, но старая привычка задумываться, прежде чем что-то купить, давала о себе знать.

– Да ты серьёзно?! – ещё не зайдя в здание, начал истерику я. – Я что, настолько богат, чтобы закупаться в ГУМе?

– Достаточно обеспечен, чтобы позволить себе что-то качественное.

– Переборщишь с ценой – вычту из твоей зарплаты, Смит!

Мы шли вдоль витрин, где даже ценников не было – видеть, чтобы не пугать посетителей, которые здесь, по большей своей части, бродили просто так, лишь бы поглазеть на обстановку внутри. Хотелось бы мне стать одним из них, да вот только груз из денег и славы обрушился однажды на мою голову, и теперь я не знал, что с ним делать. Что за натура человеческая: всё, что ни сделай – всё не нравится. А может это просто моя натура такова? Лука завёл в какой-то из бутиков, где стал рассматривать костюмы и рубашки.

– Я такое говно носил в школе только, и то меня заставляли, – ностальгия пробила череп.

– Можешь считать, что я тебя тоже заставляю носить это, – нагло и панибратски произнёс Лука. Мне, конечно, не хотелось становиться напыщенным говнюком, но это уже начало переходить всякие границы.

– Ах ты залупочёс, – вскрикнул я, – я тебе деньги плачу, а ты ещё меня что-то заставлять думаешь! Ты уволен!

– Хорошо, примерь-ка вот это, – он дал мне в руки костюм, смотрел на другие, а потом указал мне головой на примерочную.

– Я люблю чёрный цвет, а не это говно синее!

– Ладно, тогда на, – Лука пихнул другой костюм-тройку мне в руки, после чего мы пошли в примерочную.

Я переоделся, и выглядел, на мой взгляд, очень скверно, а этот дурачок даже улыбнулся, когда я открыл ему дверь в примерочной.

– Как придурок выгляжу, – заметил я.

– Ты ничего не понимаешь, Сергей. Он чудесно тебе подходит. Глаз у меня набит, а? Я думаю, мы возьмём его. Осталось только рубашку выбрать. По классике, белую?

– Чёрную.

– Ты на похороны собрался что ли? Какую нахрен чёрную?

– Чёрную, блять, я сказал! Или ты уволен!

– Ох, за что мне это всё? – ворчал Лука, но всё же через какое-то время появился с этой грёбаной чёрной рубашкой, которую я примерил вместе с костюмом. – Ну хотя бы галстук цветной, Сергей! – жалобно вымаливал он, но я был неприступен.

Когда я напялил всё это дерьмо (включая новые туфли, которые быстренько нашёл для меня Лука) на себя, то стал выглядеть как бомж, которого просто одели в костюм. Было мерзко видеть в зеркале себя, но что поделать? Внешность мы не выбираем, поэтому порой приходится сталкиваться со своим отражением, как бы ни были рады или не рады этой встрече. Подойдя на кассу, мы тут же всё оплатили, но в телефон я боялся смотреть, дабы не посадить своё и без того слабое сердце, поэтому мы просто ушли. Лука хотел ещё завести меня в парикмахерскую, но он бросил эту затею, когда я стал ему угрожать бегством (и даже направился в другую от него сторону, чтобы он понял серьёзность моих намерений). На часах было около пяти, и Лука сказал, что самое

время идти в отель, где уже зарезервировали банкетный зал для нас. Там намечалось что-то вроде фуршета для всякого рода знаменитостей, а не только писателей, как оказалось. Но большинство актёров и певцов отказалось от участия в этом мероприятии, и я тут же посетовал на отсутствие такой возможности у меня (почему-то).

Мы вошли в этот пышный зал, набитый роскошью чуть более чем полностью. Там уже стояли какие-то люди, выпивающие и кушающие всякую хрень со стола. Лука что-то бормотал мне, но я не слушал, а лишь бросился на выпивку. Там были дорогие сорта алкоголя, к которым я в жизни не притрагивался, так что первое время бросало в страх при прикосновении к бокалам, зато через пару порций этот зал чувствовался для меня вторым домом. Лука умолял не напиваться вдребезги, а для меня это был единственный выход в сложившейся ситуации и компании незнакомых мне заносчивых рож.

– Тут есть перспективные люди, – шептал мне Лука, пока я потягивал виски из своего бокала, – с которыми возможно заключить выгодную сделку. Например, кинорежиссёры.

– Я в кино профан, а уж и работать в этой сфере для меня совсем уж дикость. Лучше бухать.

– А также есть парочка писателей, с которыми можно сделать неплохую совместную книгу.

Я осмотрелся: вокруг стояли люди в разных одеждах, но с одинаково напыщенными лицами. Везде чувствовался их

пафос: в их виде, походке, разговоре, манере питья – всё это меня порядком разбесило.

– Так, Смит, во-первых, ты меня обманул, и одеваться как в школу было совершенно необязательно, особенно глядя на этих клоунов вокруг. Ты посмотри на них! Кто в свитере и джинсах, кто в футболке, а ты меня нарядил в какую-то смешотворную дрянь, – говоря это, я снимал пиджак с галстуком и закатывал рукава рубашки, будто собираюсь бить морду своему агенту.

– Они бестактные чуханы! Мы не того сорта люди, чтобы одеваться подобным образом.

– Во-вторых, меня раздражают здесь все и каждый! Они очень напыщенные, а я о них даже не слышал. И ведут себя как последние мудаки!

– Никого в них не узнаёшь? – тонко улыбаясь, выпив шампанское из бокала, подметил Лука.

– Ах ты уродец! Я же совершенно не такой!

– Ну это как посмотреть... а вообще, Сергей, советовал бы я тебе пообщаться с кем-нибудь из них. Погляди, кто тебе интересен.

Я снова стал осматриваться и разглядывать людей, некоторые из которых отвечали мне взаимностью. Моё внимание привлёк один человек, но не с профессиональной точки зрения он был привлекателен, скорее он просто вёл себя вполне естественно, выпивая залпом бокалы шампанского. Одет он был в какой-то поношенный тёмно-коричневый пиджак,

джинсы, рубашку с расстёгнутыми верхними пуговицами, а сам выглядел ближе к старческому возрасту: седая голова, морщины, скрюченный нос – всё это могло отталкивать, и, однако же, отталкивало многих, но не меня.

– Ха, смотри, даже он тут, – Лука мне бокалом указал в сторону компании общающихся людей, и я изначально не понял, о ком он говорит.

– Ты про кого?

– Да вон, видишь, среди них стоит дагестанец, – я прищелкнул пальцами, и увидел тёмненького парня с ухоженной причёской, бородой и в костюме, который охмурял какую-то дамочку. Я бы даже принял его за итальянца.

– А, ну да, и что? Он-то чем прославился?

– Он славен тем, – ехидно улыбался Лука, – что его отец крупный бизнесмен. Один из тех, что растаскивали страну по частям в девяностые. Но ему повезло, и он затем легализовался: открыл фирму, всё привёл в порядок, завёл дружбу с кем нужно, и жизнь пошла как по маслу. Теперь он растаскивает её легально, не придраться.

– А его сын тут при чём?

– А сын его, – он отпил из бокала, – захотел стать писателем. Видать, насмотрелся «Калифорникейшн» и решил стать эдаким дагестанским Хэнком Мууди, который трахает всё, что движется, ездит на Porsche, а его все считают неповторимым красавчиком.

– И как его писанина? – я был как наивный ребёнок в та-

ких делах, так что полагал, что, быть может, ещё не всё потеряно. – Пишет-то как парень?

– Парадокс в том, что сам Арслан не пишет. Для этого ему наняли писателя, который даже муцацкий стиль бы повторял, чтобы соответствовать образу. А выдают за работы Арслана, который пишет под псевдонимом Кармевиль Лефу.

– Экой спектакль, – я снова отпил.

– Да, его книги даже за рубежом печатают. Видать, писака там сидит действительно талантливый. Ну или просто проплатили, как всегда.

Ко мне подошла одна дамочка лет сорока с короткой стрижкой и рыжими крашенными волосами. На лице её читалось злорадство и высокомерие, а вечернее платье ей совсем не шло.

– Сергеев, не так ли? – со своей злостной ухмылкой и бокалом возле лица прошипела эта змея.

– Я думаю, вам нужен не я, – ответил я. – Да и вообще, я не слишком отчаявшийся, чтобы... – тут повисла неловкая пауза. – Так что вы хотели?

– Вы знаете, – она попыталась элегантно опереть свою задницу на стол, но для этого нужно обладать элегантностью и красивой задницей – ни того, ни другого у неё не было, – как-то раз в интернете вы написали под одной из моих книг нелицеприятные вещи.

– Не могли бы вы поточнее, ведь я делал так очень много раз и не только с вашими книгами.

– Скажем так, – она грациозно отпила (вот хоть это умеет, пить красиво) из своего бокала шампанское, – вы написали, что это неудачная работа.

– Мне не даёт это никакой конкретики.

– Цитирую: «Эту мерзость я бы не стал читать, даже если бы обнюхался кокаином. Данте Алигьери ошибался: в Аду на последнем кругу Люцифер читает эту книгу раз за разом своим пленникам, а больше и нечего им устраивать, им хватает страданий от этого. Люцифер, конечно, чёрт, но не настолько, чтобы и читать этот «шедевр», и доставлять ещё какие-то муки. Это было бы слишком даже для него».

– Вы это даже наизусть запомнили? Я впечатлён, – отпивая из бокала, удивлённо отметил я.

– Ещё бы, таких оскорблений к чужому труду я в жизни не видела, – на её глазах выступили слёзы, она явно затаила обиду на меня, и вот представилась возможность ткнуть меня мордой в дерьмо, которой она пытается воспользоваться. Она шмыгнула носом, подождала секунду, собралась с силами и снова сделала гордое лицо, выдерживая дрожащую улыбку. – Но ничего, вы знаете, я рада вам сообщить, что вы ошибались: мои работы заметили крупные издательства, и теперь я очень популярный писатель, который издаётся почти на всех известных мировых языках.

– Я всегда говорил, что в наше время одно дерьмо печатается, – небрежно заметил я, а также обнаружил на столе креветку. – О, креветка, хотите?

– Вы правда так считаете? – её нижняя губа дрожала, но она продолжала натужно держать невозмутимый вид.

– Да, я абсолютно уверен, что это креветка.

– Я про литературу, Сергей Сергеевич.

– А, ну да. Однозначно, – я взял креветку в рот и стал жевать её. – Иначе я бы не стоял сейчас здесь с вами.

Её глаза потекли, тушь измазала её щёки, а губы затряслись так, будто в них было маленькое землетрясение. Такое своеобразное губотрясение. Она побагровела, и гневно выдала мне.

– Вы – бестактный, грубый, мерзкий молодой человек! И книги ваши дурацкие, просто кошмар!

– Да, я об этом только что и сказал, – продолжал жевать я, – поэтому мы с вами и являемся популярными писателями во всём мире. У нас, кажется, есть что-то общее. Хотя ту мерзкую книгу я никогда бы не сравнил со своими письками, – я специально назвал свои тексты письками, чтобы они выглядели чуть ниже по статусу. – Я выдержал только пару страниц, но и того мне хватило, когда накачанный босс трахал свою подчинённую, а ей и нравилось...

Тут дамочка совсем разревелась, закрыла руками лицо и убежала куда-то в сторону (видать, в туалет). Через какое-то время она вновь появилась в зале, полная невозмутимости. Я съел ещё креветку.

– Ты жестоко обошёлся с ней, Сергей, – подметил Лука, – но справедливо.

– Думаешь? Мне даже стало как-то стыдно.

– Мне кажется, эта дамочка и стала популярной из-за того, что ты подметил таким едким комментарием её книгу. Ну знаешь, если знаменитый человек обращает внимание на обычного, пусть и в плохом ключе, то тот, словно заразившись какой-то болезнью, становится знаменит.

– Порой мне кажется, что это и впрямь болезнь, – я допил бокал и взял новый.

На сцене появился ведущий, который что-то там нёс, но мне было не интересно. Скорее я хотел познакомиться с тем самым мужчиной, что пил бокал за бокалом возле одного из столов, стоя поодаль ото всех. Вскоре я стоял рядом с ним.

– Ужасная вечеринка, не правда ли? – подметил я.

– Да, – закричал мужик, закидывая в рот сыр с зубочистки, – если бы и выпивки не было, то совсем уж мрак был бы. Порой мне кажется, что на таких мероприятиях специально делают столько бухла и наркоты, чтобы их можно было хоть как-то переносить. А вы, кажется, Сергеев, не так ли?

– Угу, – я выпил из бокала, будто бы показывая наши общие интересы, – а с кем имею честь общаться, позвольте узнать?

– Даниил Студельчук, к вашим услугам, – мы пожали друг другу руки. – Вы знаете, я даже читал что-то из вашей писанины.

– Да что вы? И как?

– Немного грязновато и пошло, но в целом ничего, вполне

приятное послевкусие.

– Отраднo слышать. На каком поприще трудитесь, Даниил?

– Я режиссёр, снимаю кино.

– Правда? Никогда бы не подумал. Что вы сняли?

– «ХождеHие по тараканам», «Сливки общества», «Золотая чаша Николая Баскова» и многое другое.

– Не самые известные работы, я думаю. Извините, я профан в кино.

– Да не беспокойтесь, – он врезал ещё один бокал шампанского. – Даже самые ярые фанаты кино никогда не видели моих работ. Я устраиваю частные показы, так сказать, для друзей. Хотя большинство моих друзей снимают скорее современное кино, чем что-то стоящее.

– Современное кино – полная лажа. Мне нравится советский кинематограф.

– Там полно пропаганды и воспитания, но в целом они добрые, и вот то самое послевкусие, о котором я упомянул, остаётся приличным. Да, тогда умели снимать, пусть и толкали какие-то идеи партии. Ну там, знаете, – мне было приятно, что такой человек, не смотря на свой возраст, обращался ко мне на вы – это был признак хорошего воспитания, – нужно идти на войну в случае чего, оттого солдат – очень почётный человек и так далее.

– А они не почётные люди?

– Не на мой взгляд. Скорее глупые, особенно это заметно

в наши дни. Но всё зависит и от событий, конечно. Одно дело воевать, когда на твою страну напали (и то любой конфликт тебе могут преподнести, как нападение, так что тут всё очень спорно), а другое дело воевать и подыхать за распространение режима в Афганистане или за нефть для нашей элиты в Сирии.

– Интересные мысли, однако, вы толкуете.

– Сейчас солдаты служат за лёгкие бабки, но, в случае чего, тебя всегда смогут оставить с носом а-ля наши пенсионеры и недавняя пенсионная реформа. Просадят своё здоровье на службе, когда на тебя орут – по делу и без – настоящие дебилы, у которых звёзд больше на плечах, а потом тратят свою сраную пенсию на лекарства.

– Нужно уметь забивать в этой жизни на всё. Те, кто воспринимают всё близко к сердцу, много не проживут.

– А какой смысл работать там, где ты не кладёшь всю душу на станок? Где не вкладываешь то самое сердце.

– Да хуй его знает, если честно.

– Именно, – Даниил взял новый бокал, – иначе вы бы не были писателем, верно?

– Думаю, да.

– За людей, вкладывающих душу в свою профессию! – мы чокнулись и выпили. Он чуть пошатнулся. – Похоже, с меня достаточно выпивки на сегодня. Сергей, у меня есть друг, хороший друг, который думает снимать кино на современный лад. Если вы сейчас не заняты ничем, то я мог бы све-

сти вас вместе, потому что он ищет себе сценариста, а я не могу быть уверен, что кто-то с улицы напишет что-то стоящее. Сейчас поколение выросло на дерьмовом кинематографе, а вы даже к нему и не особо притрагивались, так что ваш разум ещё, наверное, более-менее чист и, думаю, вы можете сработаться.

– Я не уверен, что справлюсь должным образом.

– Да бросьте. Та же самая писанина, вам чего терять? В крайнем случае, вы просто не станете работать. Соглашайтесь, Сергей.

– Нужно подумать.

– Вот мой номер, – он дал мне визитку. – Напишите или позвоните мне, если захотите поработать.

– Да, конечно. Спасибо.

– Вам спасибо за беседу, Сергей Сергеевич. А мне, пожалуй, пора – что-то мне нехорошо, и я не думаю, что это от выпивки. Скорее вечер дрянь.

– Солидарен с вами, нужно уходить отсюда.

– Всего доброго, – он быстрым шагом двинулся к выходу, и вскоре совсем уж пропал из зала.

Я вернулся к Луке, который общался с напыщенными индюками и гордыми дамочками с дорогими, как они считали, ценниками. Он сразу обратил на меня внимание.

– А вот и Сергей Сергеевич, наш уважаемый писатель, – внезапно мне стало ужасно противно от их общества.

– Здравствуйте, – раздалось из толпы.

– Такая честь, – сказал ещё кто-то.

– Смит, я домой! Я перепил, – развернувшись, я устремился из зала, захватив свой пиджак и галстук, взятые за бешеные деньги.

Лука побежал за мной, пытаюсь уговорить меня остаться, но я яро гаркнул на него, и он сказал мне, что позвонит водителю, чтобы тот забрал меня. Сам же Лука остался на вечере в компании таких же лицемерных ублюдков, а я спустился вниз, где уже стояла машина. Я залез, водитель тепло меня встретил, и мы поехали домой. Не для меня подобные мероприятия. Там были только те, кто не мог терпеть одиночества. А последнее я любил больше всего на свете.

На полпути домой позвонила Аня.

– Да, дорогуша? – ответил я.

– Серёж, я не знаю, что за магия случилась, – воодушевленно сказала она, – но сегодня я встретила такого парня! Он, конечно, не совсем похож на актёра, да и манеры так себе, но зато он настоящий! Мы идём на свидание вечером.

– Я рад за тебя, Аня.

– Что ты там говорил про лампу джина? – она наконец-то поверила мне.

– Приезжай как-нибудь, покажу.

– Звучит как-то пошло, – мы посмеялись. — Хорошо, если завтра подъеду, нормально будет?

– Да, вечерком тогда.

– Хорошо. До завтра, Серёж.

– Пока.

Когда я приехал домой, то снова уставился в эту дьявольскую тетрадь. Сколько силы в ней может заключаться? И чем я плачу за использование этой тёмной магии? Было больше вопросов, чем ответов, но я планировал всё узнать в скором времени. А пока нужно было отдохнуть от официоза и пафоса. «Происхождение мира» мне в этом помогало. Я разделся и стал пялиться в это самое поросшее кустами место, но что-то в нём было, несомненно. Пресытившись вдохновением, я сел и стал дописывать историю о хорошем парне, на которой и остановился до начала известных событий, однако казалось, что этот внезапно взявшийся успех выпивал из меня талант письма. Что ни строчка, то ерунда. Пришлось долго сидеть, писать и переписывать одно и то же, чтобы хоть как-то походило на нормальную работу, а не на халтуру, за которую можно просто срубить бабла. Нужно было думать, и думать много, при этом делать правильные выводы. Тяжело остаться мыслями у земли, сидя на небесах.

Что в юности посеешь, то в старости пошлѐшь

Изначально нужно садиться за текст и заморачиваться над ним весьма и весьма долго, но в тот вечер у меня мало что вышло: сколько бы я ни кряхтел над текстом, а получалось одна каша из бессмысленности и абсолютной чѐрствости. За окном уже красовалась ночь, и мне захотелось прогуляться, после чего я незамедлительно надел новенькие туфли и бросился на улицу в брюках, рубашке и жилете. Рубашка вылезла в нескольких местах, но поправлять её мне было лень, поэтому я просто шѐл. Нужно было наметить какую-то цель своих хождений по ночному городу, и в голову пришѐл круглосуточный магазинчик, что находился поодаль – как раз была возможность подышать несвежим воздухом Подмоскovie, посмотреть на кое-где стоящие фонари и насладиться безлюдными улицами. Шагал я быстро, как всегда, и многие, кто ходил когда-либо со мной гулять, жаловались на мою спешную ходьбу, когда для меня это было в порядке вещей. Мне не хотелось бы превращаться в старую бабку, которая едва полшага делает, чтобы дойти изредка до сортира и до кухни, потому и «бегал» как не в себе. Да и Москва превращает людей в вечно спешащих ошарашенных глупцов – было бы куда ещё спешить, но тут всё просто: работа, чтобы

не опоздать, и дом, где нужно побыстрее приготовить ужин, повозиться с детьми и свалиться на диван для «заслуженного» отдыха. После этого можно было устроить быстрый перепихончик с женой (но и тот постепенно будет надоедать), а потом завалиться спать. Но когда и это наскучит, начнётся пьянка, чтобы показать всему миру: «Глядите, как я могу зажигать своим старым, никому не нужным телом!». Всё это меня отталкивало от «счастливой» семейной жизни, от детей и прочего говна. Я люблю спрашивать у людей, зачем нужны дети, а в ответ никогда не могу услышать ничего толкового. Даже есть список наиболее популярных ответов – кому интересно глянет, всех остальных призываю пропустить.

1. «Ну как зачем?» – для наиболее неподготовленных к вопросу.

2. «Дети – это цветы жизни! Это счастье!» – для тех, у кого в жизни нет никаких целей и нечем больше себя занять, кроме как штамповать личинок. Добиваться чего-то – это не про таких людей. Эти скорее будут смотреть на экраны телевизоров и кинотеатров, представляя, что могли бы также, будь у них желание, но чтобы сделать что-то из намеченного – нет уж, ну нахер, у меня нет на это времени и сил.

3. «Не будь эгоистом. Ты живёшь либо для себя, либо для кого-то!» – для тех, кто нашёл себе в чём-то даже благородное оправдание своим естественным инстинктам. Вот так и растут поколения тех, кто живёт для кого-то и погибают в рабстве, чтобы накормить своих потомков, которые готовят-

ся сменить своих родителей в этом круговороте бессмысленности, где нужно засунуть поглубже в задницу свои мечты и желания и жить так, как прикажут, а не так, как ты того хочешь. Для фразы про эгоизм у меня свой отдельный вопрос: «А не эгоизм ли заводить себе чадо, чтобы просто искупить своё желание материнства или отцовства? Чтобы поиграться с ребёночком, так сказать». Большинство заходит в тупик.

4. «Ты ещё маленький и ничего не понимаешь» – для тех, кто считает, будто я смогу найти ответ на этот вопрос в дальнейшем, просто прислушавшись к своим инстинктам. Но на то я и человек, чтобы думать, прежде чем что-то делать.

5. «Если ты не будешь заводить детей, то скоро всю Россию заселят китайцы и арабы! Погляди, как в Европе» – для тех, кто ведёт невидимую войну рас и наций. Кажется, идеи Гитлера не были окончательно побеждены там, где должны были, а именно в умах людей. Если в Советском Союзе большое внимание уделялось дружбе народов, то в современной России дело обстоит немножечко иначе, но если быть точнее, то оно никак не обстоит: выделяются деньги на какие-то там сомнительного качества мероприятия (не все доходящие до места назначения, конечно же), которые, как известно, проводятся для галочки, а потом показывают цифры, мол, дружба крепнет. Не крепнет, увы, и произойдёт конфликт людей разных национальностей, то будут сетовать не на то, что конкретный человек долбоёб, а скорее начнут клеймить всю нацию таким поведением. Так и живём: обо всех судят

по худшим. Короче, я ни с кем не воюю и вам не советую. Кто там будет населять современный мир, мне глубоко наплевать, ведь главное, чтобы люди хорошие были, а с этим сейчас, увы, проблемы. Русские штампуют русских, чтобы те были необразованным быдлом и рабами (по большей своей части), но с гордостью за свою кровь и нацию. Хотя в России сейчас и русские сами себя ненавидят уже (не без влияния других стран, конечно же, так произошло (тут псевдообразованные и псевдошарящие во всех делах пиздюки заклеят меня ватой, но мне поебать – плевать на слова тех, кто не имеет собственного мнения, пусть даже и думает об обратном только из-за того, что не смотрит телевизор)), но для разговора тема эта уже отдельная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.